ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! Цена 30 коп.

Литературная газета

Вторник 5 января 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 1 (637)

Народное искусство

В социалистической стране созданы все условия для расцвета подлинного искусства. Принятие великой хартии вольностей освобожденного человечества — сталинской Конституции победившего социализма открывает новые просторы для развития социалистического искусства. С каждым новым шагом социалистической державы на пути к коммунизму поднимаются все новые и новые пласты людей к высотам культуры, к искусству. Все выше требования масс к произведениям искусства. Все большее значение приобретает социалистическое искусство в жизни народов Советского Союза, в его гигантской созидательной работе, в борьбе за социализм.

Только в стране социализма вдохновенные произведения писателей и поэтов прошлого приобретают свой подлинный смысл, всенародное и могучее звучание. Самым лучшим свидетельством этого факта является живое участие народов всего Советского союза в подготовке к столетней годовщине со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина.

Произведения искусства советских писателей, композиторов, художников, сценические образы, создаваемые актерами, режиссерами, драматургами, находят признание широких масс советских народов в том случае, если в них выражены с предельной ясностью мысли и чувства, настроения и мечты народа, завоевавшего в кровавой борьбе право на счастливую, радостную богатую творческую жизнь. Только те произведения искусства находят признание народа, которые зовут к борьбе, к сияющим вершинам коммунистического строя.

Нам нужны такие произведения, которые бы удовлетворяли требованиям многих миллионов людей труда, боролись бы вместе с массами за их цели, вели и воспитывали отряды социалистической революции. Сила лучших произведений искусства времен гражданской войны в том именно и заключалась, что они непосредственно помогали борьбе масс.

Лучшие традиции этого искусства, рожденного борьбой масс за социализм, наследуют наши советские писатели, работники искусств, советские журналисты. Недавнее постановление правительства СССР о награждении орденом Ленина писателя и драматурга Всеволода Вишневского, несущего в своем творчестве неугасимое пламя революционной целеустремленности, свидетельствует лишний раз о том, что наше правительство в своей политике в области искусства отражает волю народа. В решении правительства о награждении орденами Ленина писателя В. Вишневского и режиссера Е. Дзигана указано: «за заслуги в деле развития кинематографического искусства, выразившиеся в создании кинофильма «Мы из Кронштадта». К созданию сценария «Мы из Кронштадта» Всеволод Вишневский пришел после пьес «Первая конная», «На Западе бой», «Последний, решительный» и «Оптимистическая трагедия». В его пьесах привлекала революционная устремленность, постоянное напоминание о том, что мы окружены врагами, в них всегда содержались призывы крепить оборонную мощь родины, шагающей к коммунизму.

Вот почему фильм «Мы из Кронштадта», в котором конденсирован опыт предшествующей работы драматурга Вишневского, нашел широкое признание не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Недавно товарищ Кольцов, ведущий героическую работу советского журналиста в Испании, узнав о награждении Всеволода Вишневского и Дзигана, писал из Мадрида:

«Фильм Вишневского и Дзигана сослужил испанскому народу службу большую, чем десятки политотделов, чем сотни агитаторов. С волнением следили сотни тысяч зрителей за беззаветной борьбой советских моряков, следили — и следовали. Мы нисколько не преувеличим, сказав, что фильм «Мы из Кронштадта», созданный за год до начала испанских событий, стал просто в силу своих художественных и идейных достоинств неот'емлемым элементом народной освободительной борьбы против фашизма и иностранной интервенции».

31 декабря 1936 года правительство СССР наградило орденами Трудового Красного знамени «за создание ряда советских песен, ставших достоянием широких масс», т. И. Дунаевского — композитора и В. Лебедева-Кумача — поэта. «Марш веселых ребят» и «Родина» — песни, распеваемые десятками миллионов людей нашей страны. Дунаевский и Лебедев-Кумач выразили настроения и чувства миллионов советских людей. Многие прославленные поэты пытались в своих стихах отразить тему социалистической родины. Но очень часто абстрактность, туманность поэтического выражения мешали им раскрыть в простых и волнующих словах эти чувства. Это удалось т. Лебедеву-Кумачу. Его слова и свежая, выразительная мелодия Дунаевского сделали песню «Родина» одной из любимейших песен советского народа. В ней ярко выражено чувство советского патриотизма, чувство хозяина социалистической страны, строящего счастливую и радостную жизнь.

Жить стало лучше, жить стало веселее. Песня, выражающая чувства передового человека нашей державы, нужна, как воздух. А сколько мы можем назвать советских песен, завоевавших подобное признание масс! Ничтожное количество! Наши поэты в неоплатном долгу перед народом. Поэтому особенно радостно мы приветствуем произведения подлинно-массового, народного искусства, отмеченные наградой правительства.

В Совнаркоме Союза ССР

Об ознаменовании столетия со дня смерти А. С. Пушкина

Совнарком Союза ССР утвердил рассмотренные Всесоюзным Пушкинским Комитетом мероприятия по ознаменованию столетия со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина.

Основным из этих мероприятий является организация Всесоюзной Пушкинской Выставки, которая будет открыта ко дню годовщины смерти поэта в здании Исторического Музея в Москве. В связи с этим Совнарком предложил Академии Наук СССР, Всесоюзному Комитету по делам искусств, Центральному Архивному Управлению, государственным музеям и другим учреждениям и организациям предоставить Всесоюзному Пушкинскому Комитету все необходимые для выставки материалы. Для организации выставки Совнаркомом утверждена специальная комиссия в составе тт. Бубнова А. С., Розмирович Е. Ф. и Кирпотина В. Я. Одновременно Совнарком запретил государственным хранилищам и музеям, имеющим пушкинские материалы, организацию выставок без разрешения Всесоюзного Пушкинского Комитета.

Другим основным мероприятием по ознаменованию столетия со дня смерти поэта является осуществление широкого плана издания произведений А. С. Пушкина. В 1937 году будет закончен, начатый в прошлом году, выпуск следующих изданий А. С. Пушкина: полное собрание сочинений в издании Всесоюзной Академии Наук в 16 томах в количестве 140.000 экземпляров; собрание сочинений в издании Гослитиздата в 6 томах в количестве 60.000 экземпляров и в издании «Academia» в 6 томах в количестве 150.000 экземпляров. Отдельные произведения Пушкина издаются в количестве 8.400.000 экземпляров, в том числе 2 миллиона экземпляров в высокохудожественном оформлении. Кроме того издаются: популярная биография Пушкина в количестве 500.000 экземпляров; избранные произведения Пушкина и литература о нем — на языках народов СССР; переводы произведений А. С. Пушкина на языки английский, французский и немецкий, а также серии изданий литературных, музыкальных, изобразительных и других, посвященных жизни и творчеству Пушкина.

Общий об'ем юбилейных пушкинских изданий определен в 13,4 миллиона экземпляров и 151,5 миллиона листов-оттисков.

Кроме этих мероприятий, Совнарком утвердил постановку памятников и мемориальных досок, а также проведение реставрационных работ в местах, связанных с жизнью и деятельностью А. С. Пушкина.

В Ленинграде в 1937 году будет воздвигнут монументальный памятник А. С. Пушкину. Проекты этого памятника заказываются лучшим мастерам скульптуры СССР. В 1937 году должны быть открыты также памятники в Ленинграде на месте дуэли поэта (Черная Речка) и в Пушкинском заповеднике Всесоюзной Академии Наук (с. Михайловское, Калининской области).

Мемориальные доски будут установлены в Ленинграде, Москве, в селе Каменка Киевской области, в селе Болдино Горьковской области, в Гурзуфе и Тбилиси.

В последней квартире Пушкина в г. Ленинграде (Мойка, дом № 12) организуется музей. Второй музей открывается в селе Михайловском (Пушкинский заповедник), при чем для этого музея строится специальный дом.

Производятся также ремонт и восстановительные работы в Пушкинском заповеднике Академии наук и в здании бывшего лицея в Детском Селе, где учился поэт.

На проведение всех этих мероприятий Совнаркомом СССР выделены в распоряжение Всесоюзного Пушкинского Комитета специальные средства.

Гослитиздат выполнил план 1936 года по выпуску литературы

31 декабря в 2 часа дня Гослитиздат рапортовал Совнаркому РСФСР о выполнении и перевыполнении плана 1936 года.

В истекшем году Гослитиздат должен был дать 32 миллиона рублей книг. — 30 декабря он уже на 100 проц. выполнил программу.

В 1936 году, соответственно отпущенной бумаге, издательство должно было дать по плану 21,5 млн экземпляров книг. — 31 декабря к 2 ч. дня дано 22,5 млн., т. е. на 1 млн. экземпляров книг больше, или 104 проц. плана.

В том числе страна получила около 8 млн. экземпляров произведений Пушкина к столетию со дня его смерти.

Но в плане Гослитиздата есть и дефекты: двенадцатые номера журналов к 1 января не вышли, что по периодике дает только 88 проц. плана. В первую половину января этот дефект будет выправлен.

Н. НАКОРЯКОВ.

О НАГРАЖДЕНИИ тт. ВИШНЕВСКОГО В. В. и ДЗИГАНА Е. Л. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР **постановляет:**

За заслуги в деле развития кинематографического искусства, выразившиеся в создании кинофильма «Мы из Кронштадта», **наградить** орденом **Ленина** тт. **Вишневского В. В.** и **Дзигана Е. Л.**

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **И. АКУЛОВ.**

Москва, Кремль, 31 декабря 1936 г.

О НАГРАЖДЕНИИ КОМПОЗИТОРА ДУНАЕВСКОГО И. О. И ПОЭТА ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА В. И. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР **постановляет:**

За заслуги в деле развития кинематографического искусства и создание ряда советских песен, ставших достоянием широких масс, **наградить** орденом **Трудового Красного Знамени** композитора **Дунаевского И. О.** и поэта **Лебедева-Кумача В. И.**

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **И. АКУЛОВ.**

Москва, Кремль, 31 декабря 1936 г.

Героическая патетика

Творчество Всеволода Вишневского с первых его шагов отличалось активным, боевым, действенным отношением к действительности. «Первая конная», «Последний решительный», «Оптимистическая трагедия», «На Западе бой» — пьесы, удавшиеся больше или меньше, — вызвали горячие споры о принципах и характере драматургии Вишневского, но всем были ясны основные черты его творчества: романтика и героизм его произведений, огромный боевой пафос, политическая острота, стремительность, патетика, энергия, монументальность.

Вишневский с самого начала выступил против искусства пассивного, против интимно-камерных переживаний, против психологизма, против натурализма и бытовщины. Он выбирал напряженные, критические ситуации революционной борьбы, он ставил своих героев в такие положения, в которых наиболее ярко и выпукло могли проявиться героические черты их характеров.

Он никогда не пытался завуалировать боевую направленность своих произведений, их политическая тенденция обнажена, в своих пьесах Вишневский — политический агитатор, выступающий как бы на колоссальном митинге. В нашей драматургии Вишневский идет тем же путем, каким шел Маяковский в поэзии. Пламенная агитация средствами искусства, громкий голос «ведущего» (как и «горлана-главаря»), рассчитанный на улицы и площади, раскаленная страсть и бурный темперамент политического борца-большевика — вот отличительные черты Вишневского. Таков он и в жизни. Всякий, кто когда-либо слышал его выступления в литературных дискуссиях, на массовых вечерах, сразу запоминал его всегдашнюю эмоциональную приподнятость, постоянную готовность принять бой за свои идейные и творческие принципы — все это непосредственно сказывалось в его горячих речах.

Упреки, которые делались Вишневскому, в сущности говоря, идут от тех же противников, направляются по той же линии, по какой в свое время вели борьбу против Маяковского. Презрительные разговоры об «агитке», о «газетности», о схематизме, о примитивности и т. д., разговоры о неумении рисовать индивидуальные характеры, о стремлении заслонить массами, выводимыми на сцену, изображение и глубокое раскрытие основных персонажей. Все это очень знакомо. Суть, однако, заключается в том, что социалистический реализм многообразен, что романтическо-героическая струя имеет в нем законное право на существование и развитие, имеет свое особое место «под солнцем». Реалистическая и романтическая линии в искусстве взаимно обогащают друг друга в социалистическом реализме. В сущности говоря, именно социалистический реализм и дает реализму и романтизму новую жизнь. В буржуазном обществе реализм деградировал к вырождению в эмпирическую бытовщину, в натуралистическую детализацию, терял перспективу, обескрыливался, романтизм же отрывался от реальности, становился схемой, ходульщиной, из живой и действенной мечты приходил к иллюзорному самообману.

Реализм и романтизм в социалистическом реализме обрели свое новое бытие.

Это практически доказано лучшими произведениями нашего искусства: книгой Фурманова «Чапаев» и одноименным фильмом орденоносцев-режиссеров братьев Васильевых, это практически доказано блестящим фильмом новых орденоносцев Вс. Вишневского и Е. Дзигана «Мы из Кронштадта».

Кажется, что все предшествующее творчество В. Вишневского было только подготовительной ступенью к созданию этой картины. В ней сочетаются яркие, типические фигуры кронштадтских моряков и комиссара с изображением массы бойцов, она дает об'ективную реалистическую картину обороны революционного Петрограда и вместе с тем она насыщена волей к борьбе и победе, большевистским героизмом и энтузиазмом, мужеством и силой, овеяна героикой, романтикой и пафосом борьбы за революцию.

Лучшей проверкой творчества для всякого советского автора является воздействие его на массы. «Мы из Кронштадта» — этот фильм с огромным успехом обошел всю нашу страну, будя воспоминания о героическом прошлом нашей великой Родины, укрепляя ненависть к ее врагам, веру в свои силы, пробуждая бдительность ко всяким проискам наших врагов на границах Союза, готовя к предстоящему последнему решительному бою с капиталистическим миром.

Но еще больший успех имел этот фильм в революционной Испании, у бойцов народного фронта. Фильм стал в Испании элементом революционного вооружения, могучим средством агитации.

Бойцы, защищавшие Мадрид, увидели в этой картине, как обороняли флотские большевики Петроград.

Картины боев «Мы из Кронштадта» вдохновили защитников Мадрида, потому что им известно, что Петроград был защищен, что он стал затем Ленинградом, городом Ленина, что он цветет и крепнет, как и вся Советская страна, ведомая преемником Ленина, великим вождем трудящихся — Сталиным.

Для художника-большевика нет и не может быть большего удовлетворения, чем сознание, что его творчество дошло до народных масс, принесло им пользу, воодушевило и вдохновило их в жизни и революционной борьбе.

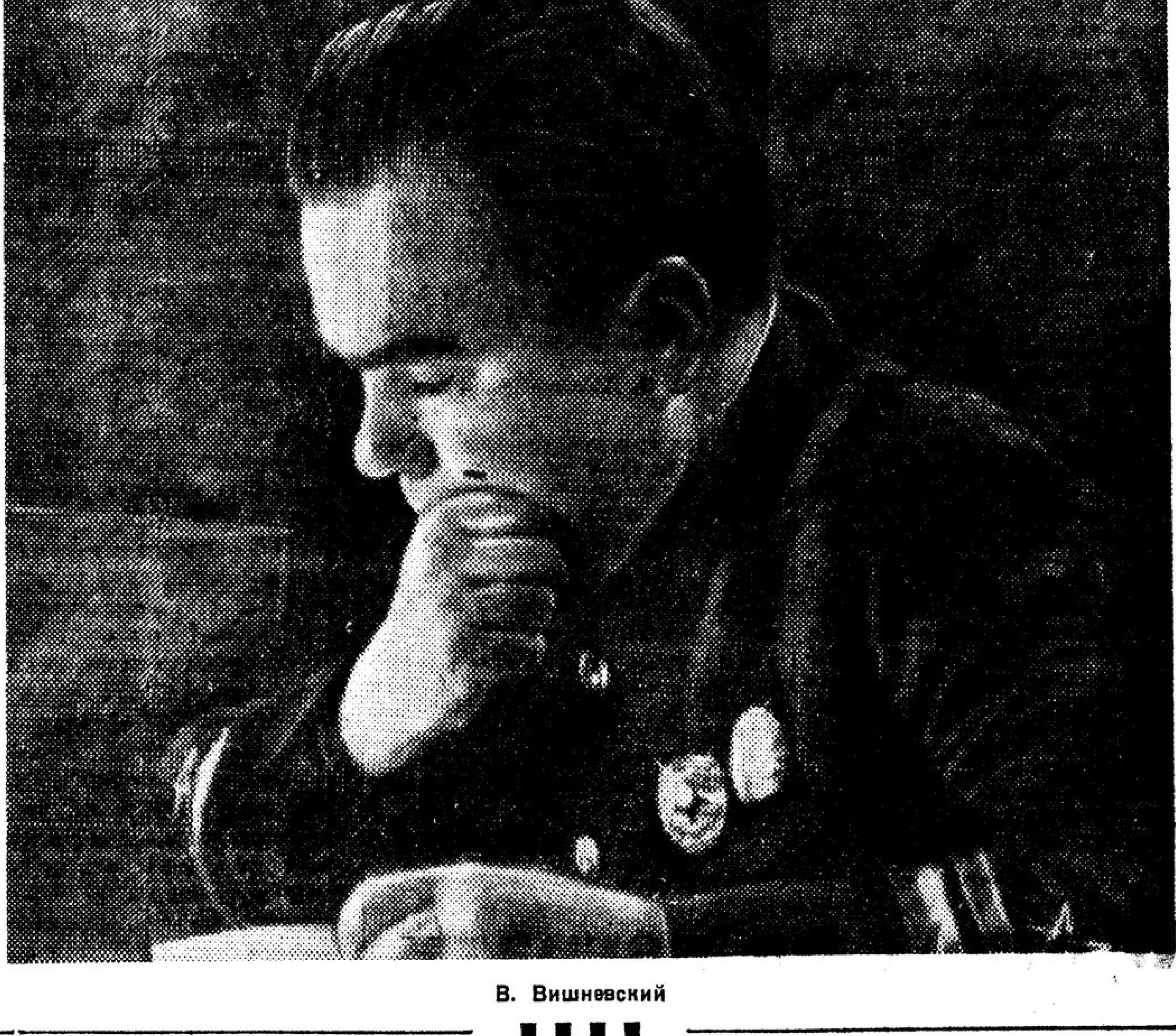
Фильм «Мы из Кронштадта» явился итогом творческого пути Вишневского, результатом его настойчивых поисков, его упорного следования лучшим традициям агитационного боевого искусства, итогом его творческого роста, в процессе которого Вишневский освобождался от некоторых недостатков, укреплял и развивал сильные стороны своего таланта. Но это свершение, этот итог вместе с тем только этап в его творческой жизни, в его движении вперед. Надо думать, что высокая награда — орден Ленина, — которой наше правительство отметило создание фильма «Мы из Кронштадта», вдохновит В. Вишневского на новые достижения к XX годовщине Великой социалистической революции. Надо думать также, что весь фронт работников искусств, приветствуя т. Вишневского, продумает смысл успеха фильма «Мы из Кронштадта», подвергнет подробному обсуждению творческие принципы его создания и сделает необходимые выводы для творчества, для работы, для развития социалистического реализма.

Ф. ЛЕВИН.

Писателю-большевику

Горячий привет тов. Вишневскому — страстному бойцу социалистического искусства, писателю-оборонику, воспитанному большевистской партией и великой Красной армией.

Редакция «Литературной газеты»

В. Вишневский

В. ВИШНЕВСКИЙ

Как я вошел в искусство

В день, когда правительство наградило меня орденом Ленина, я мысленно проверил весь свой жизненный путь и литературную работу от первой фронтовой заметки до последних вещей, которые пишу сейчас.

В жизнь и в искусство меня, как и многих писателей, вводили партия и Красная армия. С новобранства и с первых боев империалистической войны в сознание, в плоть и кровь входили традиции пятого года, матросская неукротимость.

Октябрь развернул широкую дорогу. Прогремели годы боев, походов, плавания. Война и жизнь были молодыми, то в Киеве или далекой Каме, то в Кронштадте, то во взятом Ростове, то на Каспии и в Одессе под скрежет войны раскрывалось нам, молодым, искусство.

Это было так: ночью на бивуаке Первой Конной т. Ворошилов читал вслух «Войну и мир».

Или в огромном, промозгло-холодном зале Морского корпуса пели трубы, блистала медь Вагнера. Или в Москве со с'езда, в стужу, мы бежали знакомиться с МХТ, или в одном отряде Чон'а мы служили с Мейерхольдом.

Или к нам, на катера-истребители, перед походом в тыл Врангеля, приносили книжку Барбюса «В огне».

Все это было партийной работой. Это действовали политотделы. Они раскрывали перед армией и народом сотни творений человеческого духа.

В наших рядах, под знаменами полков Красной армии воистину шли художники и поэты всех времен.

И когда к этой жизни прибавились годы командирской работы, молчаливое, еще не описанное упорство курсантов, слушателей Академий, редакторов, комиссаров и активистов, добывавших культуру, знания, — внутри созрели силы. Они вышли наружу в знаменательном штурмовом 1929 году.

Партия и командование сказали: «Ты можешь писать — пиши».

И с пятилетками началась новая полоса жизни.

Те пробы, которые я сделал в литературе, позволяют итти дальше.

Много в памяти, внутри — на душе и в сердце — дел, образов, идей.

Буду работать в полную меру своих сил.

Глубоко благодарю партию и правительство.

Всеволод-товарищ, Всеволод-работник

Тем, кто слышал Всеволода с трибуны писательских с'ездов и собраний, известны его ораторские качества. Напряженный, взволнованный, глубоко убежденный в том, о чем он говорит, — таков всегда Всеволод-оратор. Всем памятно его блестящее выступление на первом всесоюзном с'езде писателей:

«Генерал Араки в одной книге предупреждает: «Японцы, помните, что на Дальнем Востоке есть город Владивосток. Это значит, что русские хотят держать Владивосток, они хотят владеть Дальним Востоком». До сведения генерала Араки надо довести, что ни во ВЦИК, ни в других инстанциях, которые ведают переменой имен и названий, не собираются переделать «Владивосток» в «Возьми-пожалуйста-Восток» или «Бери-Восток» (продолжительные аплодисменты)».

В этом ораторском построении сказался весь Всеволод-писатель, каждая мельчайшая клеточка существа которого пронизана боевым, красноармейским духом. Потому-то так горячи и убедительны всегда выступления Вишневского, у него есть своя творческая и политическая тема — **готовность к обороне социалистической родины.** Но для того, чтобы до конца понять сущность его политического темперамента, Всеволода-оратора надо слушать не на писательском собрании, а в красноармейской или краснофлотской аудитории.

Мне не раз приходилось видеть общение его с массой. И если Всеволод-оратор какого-нибудь литературного пленума или заседания горяч и убедителен, то Всеволод-оратор на красноармейском собрании — вдохновенен. Когда он, маленький, коренастый, с нервными короткими жестами выходит на трибуну и начинает рассказ о страшной дореволюционной матросской каторге, о подпольщиках-большевиках в царском флоте, о боевых днях и делах гражданской войны, — зал, затаив дыхание, слушает его, гневно сжимая кулаки, озаряясь улыбкой, разражаясь неистовыми аплодисментами.

У Всеволода хватка организатора, исследователя, политического работника. В Киевском Музее революции, в минском домике первого с'езда партии он исписывает заметками целые страницы блокнота. Вот он приходит в редакцию «Знамени» после двухнедельного отсутствия (ездил на тактическое учение Моск. Воен. Округа). Он требует комплекты всех газет за эти две недели, садится в угол и, не обращая внимания на редакционный угол и стук машинки, начинает делать бесчисленные вырезки, выписки, заметки. Он работает везде, всюду, — в этом так и чувствуется навык армейского большевика, военного работника. Когда этим летом Всеволод отправился совместно с Дзиганом в творческую командировку по Европе, мы взяли с него обещание писать письма. Он дал его. Мы ожидали получить 2—3 письма. Их пришло свыше 60 (за 100 дней поездки). Он писал их отовсюду, — из поезда, из гостиницы, из кинозала, — как репортаж с театра военных действий. В этих письмах не было и тени прогулочности, развлекательности, — это был деловой рассказ о **работе,** веселый рассказ, все время прерываемый шутками и восклицаниями (темперамент!), но неизменно точный, богатый фактами, встречами, наблюдениями, оценками.

Вишневский — член редколлегии «Знамени». Для огромного большинства писателей, несущих подобную же общественную нагрузку, это только нагрузка и ничего более. Всеволод относится к своим обязанностям редактора как к личному, кровному делу. Он является в редакцию очень часто, он спорит, вносит предложения, заказывает статьи, дерется за оперативность работы, подталкивает, помогает, требует и настаивает. И что самое замечательное — он сугубо внимателен к рукописи. Отзывы его на прочитанный роман или пьесу, как правило, достигают 1—2 печатных листов. Здесь все — и критика неудачных выражений с точным указанием страниц, и общая политическая оценка, и сопоставление с прошлыми вещами автора, и детальные, скрупулезные композиционные советы, и указания на новые источники, и резкая полемика с творческими установками автора, когда Всеволод не согласен с ним.

Всеволод удивительно знает людей, с которыми ему приходится вместе работать. Недавно в редакции «Знамени» была организована встреча писательского актива с Лионом Фейхтвангером. Совершенно импровизированно Всеволод начал знакомить Фейхтвангера с присутствующими. И тут вдруг обнаружилось, что он знает чуть ли не полностью большинства присутствующих — их биографию, их армейское прошлое, их творческие замыслы и намерения.

Ныне Всеволод — дважды орденоносец. Первый орден Боевого Красного Знамени он получил за боевые заслуги в гражданской войне. Но разве орден Ленина вручен ему нашим правительством не за такие же боевые заслуги? Разве по фильму «Мы из Кронштадта» не учились метать гранаты и отстаивать свой Мадрид испанские рабочие и крестьяне, дело которых есть «дело всего передового и прогрессивного человечества»? Стиль большевистского искусства Вишневского неразрывно связан со стилем его личного поведения и работы.

Радость наша, гордость наша Всеволодом — это оборонная боевая гордость.

Ан. ТАРАСЕНКОВ.

Дневник «Литературной газеты»

5 января

1.

Мы печатаем сегодня сообщение руководителя государственного издательства «Художественная литература» Н. Н. Накорякова о выполнении и перевыполнении издательством плана 1936 года. 100,8 проц. плана по печатным оттискам, 104,2 проц. плана по тиражам книг — эти цифры свидетельствуют об улучшении работы Гослитиздата, о степени достигнутой им оперативности и производственной гибкости.

Рост государственного издательства «Художественная литература» за последние годы шел очень быстро.

Двадцать два с половиной миллиона книг, выпущенных за 1936 год, — огромная цифра, большая победа социалистической культуры нашей страны.

Из этого числа восемь миллионов экземпляров, — это произведения А. С. Пушкина — создателя русского литературного языка, родоначальника новой русской литературы.

Эти цифры говорят об огромной тяге к культуре трудящихся нашей страны. Потому что ведь даже этих огромных, невиданных тиражей художественной литературы нехватает для удовлетворения растущих потребностей многомиллионного социалистического народа.

Всем известно, с какой быстротой раскупаются произведения художественной литературы, книги классиков и лучших советских писателей. Очень часто они целиком расходятся в первый же день появления в продаже. До сих пор в областных, краевых, районных, заводских, колхозных библиотеках выстраиваются буквально очереди за книгами.

Цифры, которыми Гослитиздат рапортует о результатах своей работы в 1936 году, должны быть расценены как большое культурное завоевание.

Не следует, однако, закрывать глаза на те серьезные недостатки, которые имеются в работе Гослитиздата.

План, выполненный и перевыполненный по листам-оттискам и по тиражам, не выполнен по количеству названий. Это значит, что издательство не сумело получить от ряда писателей книг, запроектированных в плане. Это значит, что далеко не все те произведения классиков, которые были намечены к выпуску в истекшем году, были изданы.

Некоторые книги классиков годами только числятся в производстве, и Гослитиздат выполняет план за счет увеличения тиражей других книг.

Известно также, что Гослитиздат внес свою лепту в «вакханалию переизданий», о которой недавно писала «Правда», что не все переиздания, предпринятые им, были действительно нужны советскому читателю. Было также издано немало новых книг, которые издавать явно не следовало, выпуск которых был ошибкой издательства. В нашей печати такого рода книги отмечались не раз.

Надо полагать, что руководство Гослитиздата в 1937 году учтет эти недостатки, чтобы к концу года рапортовать не только о выполнении производственных показателей, но и о высоком качестве и максимальном разнообразии своей книжной продукции.

2.

Сегодня в Москве начинается декада грузинского искусства. Представители искусства солнечной Грузии покажут образцы своего творчества трудящимся столицы СССР.

Опера, песни, пляски и музыка раскроют удивительнейшее богатство творческих сил грузинского народа, невиданный расцвет его национального по форме и социалистического по содержанию искусства.

Редакция «Литературной газеты» приветствует посланцев грузинского народа — славных мастеров и художников.

Песня—именинница

В. И. Лебедев-Кумач

Высокая награда правительства воодушевляет и окрыляет меня для новой работы и новых исканий. Я радуюсь вдвойне, потому что награжден одновременно с моим другом и соратником, композитором И. О. Дунаевским. Этот факт авторитетно и мудро кладет конец ненужным спорам о том, что главное в песне: музыка или слова.

Песни получается в результате любовного, творчески обдуманного органического слияния этих двух компонентов. Песня должна быть такой, чтобы из нее ни слова, ни ноты нельзя было выкинуть,—вот идеал для поэта и композитора.

Факт нашего награждения радостен еще и потому, что он косвенным образом бьет по многим оторвавшимся от жизни, зачастую весьма чванным кабинетным «аристократам» от музыки и от литературы, которые склонны были считать народную песню искусством какого-то «второго разбора». Они проглядели тот знаменательный факт, что каналы и точки проникновения искусства в массы значительно переместились. Небывалый расцвет народного творчества как в РСФСР так и в братских республиках, высокая оценка правительством народных певцов-ашугов, победа на фронте самого массового искусства—кино, их ничему не научили.

А между тем теперь любой работник искусства должен всем существом своим понять, что больше нет «высшего» и «низшего» искусства, а есть одно великое единое советское искусство, помогающее жить, работать, радоваться, любить и охранять, как зеницу ока, нашу великую родину. Только для народа и только с народом, угадывая и предвосхищая его мечты, заботы, чаяния и надежды, может расти искусство и каждый художник в частности.

На песенном фронте советского искусства еще непочатый край работы. Помимо массовой песни нам нужны песни для сольного исполнения, нам нужен добротный советский романс, нужны легкие песенки сатирического содержания, наконец, нам нужно подумать о песенном репертуаре для эстрады.

Все эти счета пред'являет нам наша огромная, жизнерадостная и молодая самодеятельность.

И я радуюсь вместе с моими друзьями и соратниками по жанру, потому что мудрый, любимый и высокоавторитетный голос как бы сказал нам: «Вы правильно нашли прицел!»

И хочется стать снайпером. Хочется жить, хочется работать!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

В ответ на награду

Уже одно то, что моя большая, напряженная творческая работа — «Мы из Кронштадта» — нашла отклик у широких трудящихся масс нашего Союза и за рубежом, уже одно то, что фильм нашел себе место в героической борьбе испанского народа с черными силами международного фашизма, было большой и радостной наградой. Потому что высшая радость для советского художника, конечно, в том, чтобы его произведения были близки и дороги широким массам зрителей, были созвучны их социальным потребностям, были действенным оружием в борьбе за коммунистическое общество.

Высокая награда, которой почтило меня правительство, необычайно взволновала меня.

Такой высокой оценки, такого признания деятельности работника искусства старый мир, старое общество никогда не знало и знать не могло.

Для моей творческой практики особенно ценно то, что «Мы из Кронштадта» было своего рода завершением определенного этапа творческих исканий.

В процессе работы над фильмом перед нами стояла задача создать произведение страстной большевистской устремленности, яркой героической образности и подлинной эмоциональности.

Высокая правительственная награда обязывает к тому, чтобы дальнейшей своей работой оправдать оказанную мне честь и в новых произведениях добиваться еще большей силы художественной правдивости, еще большей социальной действенности.

В 1937 году я буду ставить «Железный поток» по произведению А. Серафимовича. В этом фильме будут продолжены и развиты те творческие стилевые и жанровые тенденции, которые заложены в «Мы из Кронштадта».

В новом фильме мы будем стремиться выразить могучее революционное движение, железную большевистскую волю и несокрушимость, беспримерный героизм и мужество, проявленные легендарной Таманской армией в период ее исторического похода и борьбы с многочисленными врагами трудового народа.

В ответ на правительственную награду я вложу в свою новую работу все свои силы, все способности, весь опыт и знание, чтобы создать фильм, достойный замечательной юбилейной даты — двадцатилетия Великой пролетарской революции.

Е. ДЗИГАН.

Председателю ЦИК СССР тов. КАЛИНИНУ
Председателю СНК СССР тов. МОЛОТОВУ

Мы безмерно счастливы высокой оценкой, данной нашей работе партией и правительством. Со всей страстью и воодушевлением мы будем продолжать работу над созданием новых песен, отражающих радость замечательной жизни, которой добилась наша родина под руководством великого Сталина и наших любимых вождей. Высокая награда удесятерит наши творческие силы, и мы с гордостью будем ее носить.

Композитор ДУНАЕВСКИЙ.
Поэт ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

В. ВИШНЕВСКОМУ

Редакционный коллектив журнала «Знамя» сердечно и горячо поздравляет своего друга и товарища Всеволода Вишневского с высокой наградой, которой отметило его наше правительство. Нас особенно радует это еще и потому, что Всеволод Вишневский один из активнейших работников «Знамени», прекрасный темпераментный писатель-большевик, все свои силы отдающий боевому оборонному искусству.

Ланда, Рейзин, Вашенцев, Луговской, Тарасенков, Вирта, Исбах, Рубинштейн.

Две беседы

У Лиона Фейхтвангера

— Вы читали в «Правде» мою статью об Андрэ Жиде?

Эти слова Лиона Фейхтвангера сразу же дали тон и направление нашей второй беседе с немецким писателем (см. «Л. Г.» № 68).

Фейхтвангер находит все новые, поражающие своей меткостью и глубиной аргументы против пасквиля Андрэ Жида, кокетничающего своей якобы «правдивостью», безответственно делающего спешные, непродуманные выводы, беспомощно барахтающегося в мире отвлеченных схем, но бессильного ориентироваться в живой, реальной действительности.

Фейхтвангер рассуждает как человек, стремящийся в первую очередь понять диалектику наблюдаемых явлений, уловить их ведущее начало, чего как раз неспособен сделать Андрэ Жид. В этом коренное отличие художника-реалиста, не боящегося «грубых» красок и ритмов живой жизни, от «парнасца», сросшегося со своими идеалистическими абстракциями.

— Разве я не вижу недостатков в вашей жизни? — говорит Фейхтвангер.—Я бы был льстецом, не заслуживающим доверия, или лгуном, недостойным уважения, если бы стал вам утверждать подобное. Больше того, это означало бы вводить в заблуждение друзей, внушать им, что у них все обстоит благополучно, и таким образом разоружать их, вместо того чтобы мобилизовать на еще более энергичную борьбу. Замеченные мною отдельные недостатки не могут меня привести в панику, как Андрэ Жида. Вы видите их не хуже, чем я или кто-либо другой. Недаром у вас имеет распространение такое прекрасное явление, как «самокритика».

— Следовательно, не на пустых мелочах, не на побочных обстоятельствах нам, друзьям советского строя, нужно концентрировать свое внимание, а на главном, основном. Вот если ты этого основного не принимаешь, тогда — другой разговор.

Для Фейхтвангера такого разговора быть не может. Он всем своим существом — с советской демократией, величайшим оплотом в борьбе против фашизма. С большой теплотой говорит автор «Успеха» о своих наблюдениях во время пребывания в Москве, о встречах с советскими людьми.

— Главное—именно в этих людях. Мне пришлось беседовать со многими рабочими, инженерами, писателями, военными специалистами, словом, с представителями самых разнообразных профессий. Каждый из них—это замечательная биография, это живой кусок революции! И все вместе они являют волнующую картину духовной и интеллектуальной мощи новой пролетарской интеллигенции. Временами даже не верится, что ты имеешь дело с людьми, лишь в зрелом возрасте взявшимися за грамоту.

— Жадное стремление к культуре, к знаниям, гордое сознание своего достоинства, пламенный патриотизм совершенно нового качества, патриотизм, несовместимый с пренебрежением или ненавистью к другому народу, с захватническими тенденциями, а наоборот, вытекающий из подлинно интернациональной природы вашего общества, — вот чем меня восхищают люди Советской страны.

— Я искренне счастлив, что мое творчество встречает здесь такой горячий отклик. Я горжусь тем вниманием, какое мне оказывают советские читатели. С большим удовольствием я выслушивал их соображения по поводу моих книг, соображения, не всегда, быть может, правильные, на мой взгляд, но подсказанные уважением и любовью к людям, творящим художественные ценности. Как память об этих интересных встречах и спорах я увезу с собою из СССР вот эту чудесную вещь, подаренную мне работниками ЦАГИ.

Фейхтвангер указывает на прекрасно исполненную модель самолета АНТ-25, стоящую на его столе.

Из многих впечатлений, которыми его обогатило пребывание в Москве, Фейхтвангер особо выделяет впечатления от московской строительной выставки, где ему удалось ознакомиться с генеральным планом реконструкции столицы. С неподдельным восхищением говорит писатель об этом изумительном детище сталинской мысли.

— Этот план не только величествен. Он и реалистичен до осязаемости. В нем нет ставок на эффектность, нет беспочвенного прожектерства. Он в глубокой основе своей и во всех своих деталях построен на началах разума, на конкретном учете исторических особенностей развития Москвы, ее сегодняшних реальных нужд и ближайших перспектив.

Фейхтвангер посетил в Москве также ряд театров — Театр революции, имени Вахтангова, Реалистический, Госет, Большой и др.

— Я очень сожалею, что мне не пришлось увидеть многих советских пьес. Как-то так получилось, что в большинстве случаев я попадал на постановки европейских классиков. Меня очень интересовали методы раскрытия Шекспира на вашей сцене. Не могу сказать, чтобы мне дали большое удовлетворение постановки «Ромео и Джульеты» в Театре революции и «Отелло» у Охлопкова. Все это только экспериментальные опыты. Хочу еще посмотреть «Короля Лира» в Госете. Может быть, успею познакомиться и с другими шекспировскими спектаклями, и тогда мои аргументы будут более конкретными.

Ряд московских режиссеров вступил с Фейхтвангером в переговоры о постановке его пьес. Особенное внимание деятелей театра (И. Судакова, С. Михоэлса и др.) привлекает идея инсценировки «Семьи Оппенгейм» — произведения, всем своим острием направленного против фашистского режима. Значительная часть работы по инсценировке романа уже проведена двумя московскими драматургами. Сейчас в эту работу включился и Фейхтвангер, желающий, чтобы на подмостки советского театра роман «Семья Оппенгейм» перешел не в качестве механической переделки, а полноценным драматургическим произведением, где еще отчетливее, чем прежде, должна выступить идейная установка автора.

— Я провел в Москве не очень много времени, — заключает свою беседу Лион Фейхтвангер, — но, кажется, нашим личным отношениям положено не плохое начало. Контакт установлен. Думаю, что в последующие мои посещения СССР — а они обязательно будут — поле моих наблюдений удастся значительно расширить и дружескую нашу связь еще больше укрепить.

С этой именно надеждой я собираюсь покинуть в скором времени гостеприимно принявшую меня страну.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.

У Людвига Маркузе

Немецкий литератор-эмигрант, видный деятель антифашистского движения Людвиг Маркузе, приехавший в СССР вместе с Лионом Фейхтвангером, в беседе с нашим сотрудником расказал следующее:

— Раньше всего мне хотелось бы поделиться теми впечатлениями, которые я успел вынести из моего, пока еще короткого, пребывания в вашей стране. Огромная созидательная работа, полная глубокого смысла, развертывающаяся на основе мудрой политики Советского Союза, не может не вызвать самого живого интереса и стремления возможно ближе познакомиться со всем общественным укладом особенной, единственной в мире, страны. Поэтому, изменив намеченному ранее плану, моя жена и я решили 10 января поехать на несколько дней в Ленинград, откуда мы намерены возвратиться обратно в Москву, чтобы предпринять, если это окажется возможным, большое путешествие по СССР.

Как литератора, меня очень заинтересовал советский театр с точки зрения современной советской драматургии. К сожалению, я плохо знаю советскую литературу, которая почти не переводится на немецкий язык.

В театре им. Вахтангова я видел пьесу Н. Погодина «Аристократы», на которую сознательно отправился с переводчицей. Сложная тема перековки людей заставляет зрителя задуматься над комплексом вопросов, связанных с социалистическими и буржуазными методами воспитания человека. Остроумный и забавный диалог делает пьесу живой и легко воспринимаемой.

Я также успел посмотреть пьесы Фридриха Вольфа «Флоридсдорф» и «Профессор Мамлок», они обрадовали меня как свидетельство творческого роста моего соотечественника, которого я помню еще по Франкфурту, где работал в качестве редактора одного из журналов по вопросам культуры.

Я считаю, что Фридрих Вольф делает большое и полезное дело тем, что знакомит советского зрителя с Германией предгитлеровского периода.

В Большом театре я был на спектаклях «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Кармен» и «Бахчисарайский фонтан». Роскошь и богатство постановок Большого театра поражают зрителя. Единственный недостаток, который следует отметить,—это слишком длинные антракты в ваших театрах, разбивающие впечатление и растягивающие спектакль на целый вечер.

В кино я видел фильм о маневрах в Белорусском военном округе. Вы представить себе не можете, как радостно нам, антифашистам, смотреть на эту демонстрацию силы Красной армии, армии единственной в мире страны, борющейся за мир.

За границей мы смотрели такие советские фильмы, как «Чапаев», «Путевка в жизнь», «Броненосец Потемкин», и видели их, вероятно, в измененных и урезанных вариантах, тем не менее они донесли до зарубежного зрителя сведения о жизни в СССР.

Почему же сейчас молчат Эйзенштейн, Пудовкин, Пискатор, где их фильмы, которые показали бы за рубежом жизнь Советского Союза и так же блестяще, как раньше, выполнили бы свою агитационную роль?

Недавно выпущенная А. Жидом книга—сборник мелких анекдотов, перечень неубедительных фактов — не дает представления о жизни Советского Союза. Но что оставляет особенно тяжелое впечатление, это сознание того, что эту свою поверхностную и неправдивую критику А. Жид высказал лишь по ту сторону границы. Он предпочел предательски обменять свое восхищение Советским Союзом на резкий выпад против него, оказавшись за его пределами.

Этой пропаганде против Советского Союза советские литераторы и антифашистские иностранные писатели должны противопоставить свою работу. Я познакомился здесь с руководителями немецких журналов «Дас Ворт» и «Интернациональная литература» и обещал тов. Бехеру сотрудничать в журнале «Интернациональная литература».

Мне известно, что на страницах этих журналов в ближайшее время будет развернута дискуссия о морали, будут поставлены актуальные проблемы сегодняшнего дня, и считаю это совершенно своевременным и необходимым.

Б. М.

Поль Вайян-Кутюрье

К 20-летию революционной и литературной деятельности

Поль Вайян-Кутюрье

На-днях революционная общественность Франции с большой теплотой праздновала двадцатилетие революционной и литературной деятельности Поль Вайян-Кутюрье, боевого соратника Анри Барбюса, одного из редакторов коммунистической газеты «Юманите» и журнала «Коммюн», писателя и публициста, стойкого борца за коммунизм, пламенного трибуна.

Острым своим пером он наносит меткие удары злейшему врагу трудящихся масс — современным каннибалам — фашистам.

Империалистическая война стала для Кутюрье, как и для Барбюса, той суровой школой, в которой он быстро освободился от старых иллюзий, быстро понял классовую сущность кровавой бойни. В самом огне войны зрели мысли и чувства Вайян-Кутюрье, приведшие его в стан революции, и он неизменно служит ей как коммунист и писатель.

Вскоре после появления знаменитого «Огня» А. Барбюса вышла «Солдатская война» Вайян-Кутюрье — книга, которую он написал вместе со своим другом Раймондом Лефевр. В простых рассказах выступает страшная картина мировой бойни, показаны трагические образы «пуалю», погибающих неведомо за что. «Огонь» А. Барбюса и «Солдатская война» — это были первые сурово-правдивые книги о войне, резко выделявшиеся на фоне лживой ура-патриотической батальной литературы.

«Письма к друзьям» Вайян-Кутюрье (1918—1919) — потрясающие документы мятущейся души человека, глубоко пережившего весь ад войны и еще не освободившегося от него.

Вайян-Кутюрье со свойственной ему страстностью борется против империализма, против войны, он отдает этой борьбе всю силу своего художественного публицистического дарования. Памфлетист, депутат парламента, мэр — он не забывает о поэзии. Он пишет «Тринадцать танцев смерти», печатает на страницах «Юманите» и «Клартэ» очерки об СССР. Вместе с Л. Муссинаком он создает сатирическую пьесу «Отец Июль», затем «Воспоминания детства», роман «Диктатура мертвых», сказки для детей, сценарий «Да здравствует Коммуна», песни, памфлеты, политические статьи и, наконец, последнюю свою большую книгу — «Несчастье быть молодым» (есть русский перевод), вызвавшую огромный интерес и массу откликов. Эта книга, в которой на основании точных документальных данных показана вся безотрадная участь молодежи Франции, ее борьба за «место под солнцем», за хлеб, за работу, в то же время служит боевым призывом к борьбе за изменение существующих условий жизни, призывом к революции. «Долой отчаяние!»

Вайян-Кутюрье — писатель большой эрудиции, боевого темперамента, яркого горения. Язык его прост и ясен, стиль прозрачен, пересыпан сверкающими эпитетами и чисто галльским остроумием. В характерах и явлениях он схватывает и показывает самое типическое, основное, не впадая в схематизм.

В связи с юбилеем Кутюрье Жан-Ришар Блок пишет:

«Поль Вайян-Кутюрье и еще несколько писателей его поколения концепцией и формой своих произведений намечают первые вехи французской революционной литературы, искать зачатки которой в предвоенной литературе было бы напрасным трудом».

Луи Арагон, Ф. Журдэн и другие писатели отмечают многообразие дарований Вайян-Кутюрье, его высокий интеллектуальный дух, беспредельную преданность революции и гуманизм в подлинном смысле этого слова.

Е. П.

Карло КАЛАДЗЕ

СТИХИ

I
Близится ночь

Близится ночь. У крыльца мы.
И кроме
Нас никого. Мы, как листья, молчим.
Видишь, село забывается в дреме
У очагов. Сумрак никнет над ним.

Только деревья вдали с благо-
склонным
Шелестом машут руками, маня.
Странниками подымаясь по склонам,
Нас окликают, тебя и меня.

Мы подошли. Наши сердцебиенья
Слышат они. Мы стоим, присмирев,
Под шелестящей трепещущей сенью,
Ловим любовные речи дерев.

II
Песня с моря

Твоим представляется взором
Окно, что блистает из дали.
Не произношу я ни звука
И вижу сияние глаз.
Меня черноморским простором
Стихи эти сопровождали,
И встреча с тобой и разлука
Мне припоминались не раз.

Я вижу долину Риона.
Задумавшись, как Церетели *,
Гора, опираясь на локоть,
Мечтает в начесах седин.
У этого мощного склона
Мы поговорить бы хотели,
Но лучше былого не трогать,
Я в море плыву. Я один.

Уходят Аджарские горы.
Растаять им, не сохраниться
В тумане...
И мачт очертанья,
Склоняясь белеют в снегу.

И нету для зренья опоры.
Белесый простор без границы.
Рябь моря, небес нависанье —
Вот все, что я видеть могу.

Быть буре. И снежные клочья
Охватят корабль, будто грива.
Сомкнуты в об'ятии черном
И полночь, и волны в одно.
И парус, настигнутый ночью,
На миг обозначится криво
И сгинет, подхваченный штормом,
Как будто затянут на дно.

Но разве б я был в состояньи
Петь в бурю любовные строки,
Сквозь шторм с отвращеньем
и горем
Я плыл бы, когда бы земля
Вдали не хранила б сиянье
Окна, и огонь одинокий,
Лучась, не скользил бы
над морем
И не догонял корабля.

Перевел с грузинского
СЕРГЕЙ СПАССКИЙ

* Намек на известный портрет писателя Акакия Церетели, где он изображен в мечтательной позе.

М. ДЖАВАХИШВИЛИ
Грузинский писатель-орденоносец

«Это—факт»

Почти три четверти моей жизни я провел при старом режиме, поэтому я предпочитаю писать в плане сравнительном: что было и что мы видим теперь. «Разделяй и властвуй»—неумирающий девиз всех древних и сегодняшних захватчиков, империалистов, фашистов. Этот зверский рецепт конкретно расшифровал австрийский император Франц I. Он говорил французскому послу: «Мои народы чужды друг другу, но тем лучше. Они не подвергаются одновременно одной и той же болезни. Когда во Франции начинается горячка, она овладевает всеми. Я посылаю венгров в Италию, а итальянцев в Венгрию. Каждый стережет своего соседа. Они не понимают друг друга и друг друга ненавидят. Из их антипатии друг к другу рождается порядок, и их взаимная ненависть служит основанием общего мира».

Царское правительство тоже широко пользовалось этим провокаторским оружием, современный же мир с удивлением и со злобой наблюдает, как ленинско - сталинская национальная политика отбросила в мусорный ящик отравленное оружие империалистов и доказала всем Гитлерам и Муссолини, что десятки народов нашли общий язык, перестали «сторожить друг друга» и на взаимном братстве основали новый, социалистический строй, новый «мир и порядок».

В нашем обширном отечестве речь идет теперь о большем, чем мир и порядок. Из многочисленных примеров приведу лишь один. Армяно-грузинская война, вызванная дашнаками и меньшевиками, оставила между этими народами глубокую ядовитую вражду. После установления советского режима этапы быстро сменяют друг друга: взаимное ознакомление развеяло недоверие, за ним последовало сближение, вслед за ним наступила дружба, а после утверждения великой сталинской Конституции речь идет уже о теснейшей спайке огромной братской семьи народов СССР. Эта мечта всех лучших людей прошлого и современного мира уже воплощается у нас в действительность и, помимо всего, облагораживает, очищает наши души и сердца от старого мусора и гнили взаимного недоверия.

В своем докладе на VIII С'езде советов Сталин говорил «...опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью». Многие за границей почитают этот вполне удавшийся опыт за чудо. Они еще не понимают сущности социализма. То, что они почитают за чудо, для нас — природа социализма.

Сталинская Конституция открывает для народов СССР новые безбрежные дали и одновременно закрепляет наши гигантские культурные достижения. Великая социалистическая революция освободила из тюрьмы наши творческо-национальные силы, которые были приговорены царизмом к бессрочному заключению. Обреченная на медленное вымирание и прозябание культура национальных республик начинает бурно расти. Даже народы в несколько десятков тысяч человек, не имевшие ранее письменности, создают книги, школы, театры и другие виды искусств. Великая русская культура оплодотворила во многом старую грузинскую культуру, но царский режим запер на ключ нашу науку и, решительно отказывая в поддержке нашему искусству и другим видам нашего духовного творчества, тем самым обрекал их на захирение.

Еще недавно запрещали открыть у нас даже русский университет, а теперь «это факт» — кроме университета у нас есть полтора десятка вузов, в которых преподавание ведется на нашем родном языке.

Я помню кошмарное время, когда имущество единственного грузинского театра собирались продать с молотка, а бедствовавших и без того артистов (в том числе гениальных Абашидзе, Месхишвили, Сапарова, Габуниа) пустить по-миру. А сегодня — «это тоже факт» — у нас только государственных театров — двенадцать.

Живущие в центре Европы, имеющие музыкальную культуру румыны только лет десять назад создали первую национальную оперу, у нас же их двенадцать. Наши драматические театры побывали в Москве и получили весьма высокую оценку правительства и столичной театральной общественности. В настоящее время в столице СССР находятся грузинский государственный театр оперы и балета и два этнографических хора, которые покажут свои достижения.

Лет двенадцать назад мы знали только одного скульптора, ныне народного артиста-орденоносца Николадзе, и несколько живописцев, среди них — крупного мастера Габашвили. Они с помощью русских мастеров вырастили несколько десятков значительных и даровитых ваятелей и художников.

О масштабах развития нашей культуры можно судить хотя бы по тому, что за последние 15 лет грузинских книг было напечатано в несколько раз больше, чем за триста с лишним лет существования грузинского печатного дела. «Это тоже факт», факт изумительный, радостный, неопровержимый

Крупнейший языковед, покойный Н. Марр писал: «Грузинский язык может выразить любую мысль, какую только способен высказать любой восточный или западный народ. Он бездонен, и нет возможности исчерпать его». Мы получили в наследство язык Руставели. Во второй половине XIX века наши классики — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела и др. — сблизили его с народным языком и создали академический литературный язык. Революция и здесь завоевала свое место. Необыкновенный расцвет политической мысли и рождение десятков отраслей науки породили десятки тысяч новых понятий и таких речевых нюансов, для выражения которых прежний литературный язык оказался неподготовленным. Нам пришлось прибегнуть к помощи народного языка и к международным терминам, в результате чего наш язык лексически необыкновенно обогатился. За это время со всех уголков Грузии потоками хлынули диалекты, которыми так богата наша страна. Они оплодотворили нашу лексику Одновременно социалистическая эпоха властно потребовала от нас установления единых грамматических норм, на основе которых создается новый академический язык и новый стиль — сжатый, динамичный, точный, гибкий, ясный и прозрачный Писатели и ученые рука об руку работают над этим чрезвычайно важным делом и уже достигли огромных результатов.

До революции среди нас нельзя было найти писателя-профессионала. Писатели жили на жалованьи или доходами с имений, а литературой занимались между прочим. Многие из них не получали никакого гонорара. Революция создала крупные кадры профессиональных писателей, литературная продукция возросла в несколько раз. В то же время смело можно утверждать, что никогда грузинские писатели не работали над качеством своих произведений так много и плодотворно, как работают теперь. Поэты реформировали технику стихосложения, а прозаики создали расцвет грузинского романа, хиревшего до революции.

Говоря о дружбе и братстве народов СССР, нельзя не упомянуть о той важной роли, которую играют в этом деле переводы. Уже переведены десятки книг грузинских авторов (современных и классических) на русский, украинский, белорусский, армянский и тюркский языки Еще недавно мы с трудом продвигали нашу книгу в Москве, а теперь издатели и редакторы сами наседают на нас, требуя больше того, что мы можем дать.

Мы не остаемся в долгу. Мы и раньше переводили не мало произведений русских классиков и современных писателей, теперь же их количество возросло в несколько раз. Переведены Пушкин (полностью), Л. Н. Толстой, Чехов, Горький, Тургенев, Гоголь, А. Н. Толстой, Шолохов, Фадеев, Маяковский, Пастернак, Тихонов, Шевченко, Островский, Туманян, Исаакян и др. Взаимные переводы сильно расширяют горизонты советских читателей и писателей, оплодотворяют литературу, знакомят и сближают многочисленные народы СССР.

Подчеркиваю чрезвычайно характерное явление. Правительство советской Украины постановило поставить памятник выдающемуся поэту-мученику XVIII в. Гурамишвили, который затерялся на Украине и умер там в одиночестве, не переставая творить на родном языке.

В этом году народы СССР особо отметят три даты: столетие со дня смерти гениального русского поэта Пушкина, 750-летие со дня рождения великого Руставели и столетие со дня рождения крупнейшего грузинского писателя XIX в. и основоположника нового грузинского литературного языка Ильи Чавчавадзе.

Сталинская Конституция окончательно закрепляет успешное решение национального вопроса и гениально сочетает единство народов и мощное развитие национальной культуры. Грузинские писатели и вся наша советская общественность словом и делом честно служат ей и, в случае нужды, не пожалеют своей жизни для защиты социализма от покушений его врагов.

Сдать работу в срок

Третьего июля 1936 г. писатели Вс. Иванов, П. Павленко и Л. Никулин заключили с Государственным военным издательством договор на создание книги «История 30-й дивизии им. ВЦИК». Немного позднее к ним примкнули Б. Левин, Л. Рубинштейн и В. Шкловский.

Перед писателями была поставлена большая и ответственная задача — воссоздать в ярких художественных образах славное героическое прошлое дивизии, рассказать простыми и волнующими словами об ее сегодняшней жизни, о людях, растущих и воспитывающихся в ней. Книга должна быть построена на огромном историческом материале. Издательство всячески пошло навстречу авторам. Оно предоставило им различные документы, познакомило их с участниками боев, бойцами и командирами дивизии. Словом, обстановка для работы была создана.

Каждый из участников коллектива обязался написать по одной главе книги Вс. Иванов обещал написать главу об организации дивизии и первом ее походе, вошедшем в историю под названием «Рейда Блюхера», П. Павленко — о разгроме Колчака, Б. Левин — о борьбе с Врангелем, Л. Никулин — о ликвидации махновщины, Л. Рубинштейн и В. Шкловский — о жизни и работе дивизии в мирное время, в 1924—29 гг. и в период двух пятилеток.

Работу писатели обязались сдать — кто в марте, кто в феврале, а Л. Никулин — 1 января 1937 г.

Сроки представления рукописей приближаются. Однако поступающие в издательство сведения о работе писателей над книгой заставляют бить тревогу. Работают писатели медленно. Л. Никулин уже не выполнил своего обязательства. Издательство опасается, как бы эта история не повторилась с остальными авторами. Нужно сказать, что опасения эти не беспричинны. Вс. Иванов и В. Шкловский должны сдать рукописи 1 февраля, а Л. Рубинштейн — 15 февраля. Между тем, писатели до сих пор не закончили всей организационной работы. Вс. Иванову, например, необходимо, как он сам говорит, с'ездить на Урал, в места, где организовалась из мелких партизанских отрядов 30-я дивизия. В. Шкловский и Л Рубинштейн должны еще посетить части дивизии, на что потребуется не одна неделя.

Успешнее как будто работают П. Павленко и Б. Левин, но в издательстве не ручаются, что они сдадут рукописи в срок.

«Историю 30-й дивизии им. ВЦИК» Государственное военное издательство выпускает к 20-летию Октября. Это будет одна из интереснейших юбилейных книг. Она познакомит читателя с историей не только 30-й дивизии, но и всей Красной армии, ибо путь, пройденный дивизией, характерен для всех частей замечательной, непобедимой защитницы социалистических границ.

Эта книга нужна. Читатели уже давно ее ждут. И долг писателей — дать ее в срок.

А. КУРЕЛЛА

В борьбе за Испанию

Весьма значительно число писателей, ученых и художников, выступивших на защиту испанского народа и ведущих вот уже несколько месяцев энергичную борьбу против об'единенных сил фашизма.

Испанская республика нуждается в каждодневной практической помощи. И эту помощь оказывают ей не в форме индивидуальных героических актов, а организованно, коллективно, во имя защиты мировой культуры, знамя которой было поднято на интернациональном конгрессе писателей в 1935 г. в Париже.

Еще одной характерной чертой отмечен этот поход европейской интеллигенции за свободу Испании: каждое действие и каждое слово французских, немецких, итальянских, бельгийских и всех других представителей интеллигенции рассчитано на двойной удар—удар по испанскому фашизму и его международным союзникам и удар по фашизму в собственной стране.

Известный французский писатель Жан-Ришар Блок, активный деятель народного фронта, боевой друг испанского народа, выпустил недавно книгу «Испания, Испания», в которой гневно и страстно разоблачает происки французских фашистов и реакционной прессы, поддерживающих испанских фашистов и купивших их интервентов.

Даже там, где писатель описывает свои путевые впечатления (первые главы: Барселона — Валенсия—Мадрид), он рассматривает события глазами политического борца, желающего понять неприкрашенную правду, взвешивающего соотношение сил и зарисовывающего наряду с героическими подвигами и те трудности, которые преодолевают республиканцы.

Благодаря такому отображению, под'ем всего испанского народа на борьбу против мятежников и его победоносное сопротивление захватывают читателя еще сильнее. Лишь зная, как велика была на первых порах неопытность республиканцев, можно понять и оценить все значение народного фронта, образовавшего подлинно дееспособное правительство, создавшего армию и единое командование. Боевая подготовка кадров, поднятие военной промышленности, внедрение суровой дисциплины и в результате—успешная защита столицы, прекращение продвижения мятежников на других фронтах.

Ядро книги составляют очерки, которые писатель из месяца в месяц опубликовывал во французском журнале «Европа». Номера журнала именно из-за этих статей ожидались всегда с нетерпением не только во Франции. В названиях, которые Ж.-Р. Блок дал этим статьям, уже отражена история борьбы республиканской Испании. «Демократия взята за горло». «Рождение армии и государства». «Французская республика покидает Испанскую республику». «СССР—на помощь Испании». Эти главы, завершающиеся прославлением исторической помощи Советского Союза, по существу являются обвинительным актом против близорукой дипломатии буржуазно-демократических стран Европы. С беспощадной прямотой разоблачает писатель ошибки французского правительства. Блок показывает, как оно само сделало себя пленником абстрактного, нереального, с самого начала порочного плана «умиротворения» Европы и как оно, правительство народного фронта во Франции, отвернувшись от испанской демократии, забыло, что защита Испанской республики—это защита французской демократии. Блок несколько раз повторяет сказанные ему слова президентом Асанья: «...Народ Испанской республики, сражаясь и умирая, защищает независимость и судьбу Франции». А Франция, пишет Блок, примкнула к позорной блокаде, лишившей героическую Испанию оружия и боевых припасов. Писатель показывает с глубоким волнением и горечью, что политика «невмешательства»—это самоубийство Франции.

Глубокое восхищение вызвали у Жан-Ришар Блока слова товарища Сталина, характеризующие мужественную позицию Советского Союза: «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Ж.-Р. Блок в своей книге рассказал правду об Испании, об ее друзьях и смертельных врагах,—его книга—острое оружие, она воюет против лживой информации реакционной буржуазной печати. Блок видел подлинную Испанию, он обрисовал разных представителей ее народа—от рабочих и крестьян до президента.

Блок понимает и подчеркивает ответственнейшую, огромную работу испанской коммунистической партии по сплачиванию и укреплению единого народного фронта в Испании.

В своей корреспонденции от 23 октября Ж.-Р. Блок совершенно справедливо указывает, что новая агрессия международного фашизма сделалась возможной лишь потому, что грабительская итальянская война в Абиссинии и разрыв локарнского договора Гитлером не встретили никакого сопротивления со стороны нефашистских европейских держав и Лиги наций. Блок признает серьезнейшую ошибку, допущенную интеллигенцией в оценке захвата Гитлером демилитаризованной зоны.

Блок признает, что коммунисты были правы, предсказывая роковые последствия допущения этой новой военной агрессии фашизма.

Смелое признание своей ошибки Блок сопровождает анализом прошлых настроений, эту ошибку породивших.

Честный демократизм, непримиримая и боевая ненависть к фашизму делают книгу Жан-Ришар Блока одним из ценнейших документов о днях ожесточенной схватки на испанской земле истинных демократов с об'единенным фашизмом.

Jean Richard Bloch. Espagne, Espagne! Paris, Editions Sociales Internationales.

В лаборатории писателя

У Анатоля Гидаша

Рассказ А. Гидаша о его работе над «Господином Фицеком», романом, который, безусловно, приобретет большую и прочную популярность, весьма поучителен. Он поучителен тем, что не только вводит нас в творческую лабораторию художника, но и помогает вскрыть порочность идеалистических теорий о сущности творческого процесса, возможного якобы лишь на основе «непосредственных впечатлений», на основе отказа от определенной идейной установки, и т. д.

— Я со всей убежденностью утверждаю, — говорит т. Гидаш, — что только предварительное теоретическое осмысление материала, только подчинение конкретной идее определило те удачи, которые в романе, по мнению критики, имеются. Это же сыграло решающую роль в тех случаях, когда я стремился сообщить моим образам большую реалистическую убедительность.

А. Гидаш извлекает из папки своих рабочих материалов бумагу, исписанную тщательным убористым почерком.

— Вот видите? В этой записи квинтэссенция всего «Фицека». Здесь записаны идеи романа, и эти идеи явились организаторами всего материала.

Я читаю:

«Венгерская социал-демократическая партия и до мировой войны не являлась партией революционной: а) ее программа, б) отношение к государству, в) отношение к крестьянству, г) к национальному вопросу и д) к неорганизованному рабочему».

«Венгерская социал-демократическая партия иногда **в своих реформистских интересах** прибегала к революционной фразеологии» и т. д. и т. п.

— Теперь понятно, почему так износился этот листок? Он был всегда перед моими глазами. Записанные на нем идеи диктовали мне события, подсказывали мне нужные ситуации, определяли круг вводимых в роман персонажей. Этот листок помог мне ввести всю работу в рамки строго рассчитанного плана. Для того, чтобы дать идеям живую плоть, я обратился к изучению и отбору материалов — теоретических, исторических, документальных. Только таким путем я и сумел расширить мой первоначальный замысел. Когда я лет семь назад приступил к писанию романа, он представлялся мне как произведение автобиографическое. Первые главы его, тогда опубликованные, имели большой успех. Но я скоро понял, что такой роман может иметь весьма ограниченное значение. Я понял, что в конце концов дело не в моих личных наблюдениях и переживаниях. Да и что, собственно, мог ребенок увидеть в революционном движении и сохранить в своей памяти?

Гидаш раскрывает несколько ящиков в письменном столе, затем извлекает из-под стола солидного об'ема чемодан и распахивает его: ящики и чемодан до краев набиты материалами.

— Вот выписки из венгерской социал-демократической печати за 14 лет с 1900 по 1914. Одни эти выписки составляют 20 листов. Все это я нашел и пересмотрел в Институте Маркса и Энгельса. Вот прокламации того периода, переписка государственных деятелей Австро-венгерской монархии, рапорты охранки (некоторые годичные отчеты охранки занимают 300—400 страниц), тексты народных и революционных песен, фотографические снимки и т. д.

Колоссальная работа! Но четкая, идейная установка избавила меня от многих движений «вслепую». Я знал, что я ищу, и что мне поможет конкретизировать мои образы, уточнить исторический и бытовой фон. Не скрою: кое-какие материалы попали в роман целиком, даже без кавычек. Вот, например, обращение министра внутренних дел Криштофи к императору Францу-Иосифу. Вы можете прочитать его в конце первой части романа; вот репортаж о провинциальном собрании венгерских социал-демократов в 1904 году — он воспроизведен в третьей главе: сын Новака читает его вслух отцу; в шестой главе вы найдете вот эту рекламу коммерческой фирмы об увеличении фотографических портретов и т. д.

Особенно, конечно, привлекали мое внимание живые люди, действительные участники социал-демократического движения, представители различных общественных слоев Венгрии. Верный своей системе планового ведения хозяйства, я тщательно продумывал психологию и связь их поступков от начала до конца. Я не хочу быть во власти стихии, когда я работаю над романом. Я не хочу, чтобы персонажи **меня** вели, как это часто бывает с нашим братом, я хочу **их** вести, стараясь поставить их там, где, согласно своей природе, индивидуальным особенностям, они должны находиться. Вот почему у меня заведено «дело» на каждого героя. В этом деле прослежены вся его биография, все его вкусы, привычки, предусмотрены все повороты в его личной судьбе.

Не так это просто проследить путь героя, увидеть его внутренний противоречивый мир. Тут на одно психологическое чутье я не полагался. Очень часто моего героя мне об'ясняли великие классики марксизма. Это не слова, уверяю вас! Неоднократно «Коммунистический манифест», «18 Брюмера», «Крестьянская война в Германии» и т. п. выводили меня из затруднительного положения, когда от меня ускользала какая-то существенная деталь в психологии героя.

— Моя приверженность к плану заходит так далеко, — продолжает Гидаш, — что я начертал для себя точный маршрут персонажей «Фицека». «Вдохновенным» натурам претит такая методичность в искусстве. Я это знаю. Но что же делать, — не хочу им в угоду жертвовать принципами моей работы. Да, у меня имеется точный перечень улиц, которые моим героям приходится пересекать, на которых они проживают, точный список городов, где им приходится бывать, у меня предусмотрены даты их встреч; да, у меня заранее было точно изложено содержание каждой главы и заранее было решено, что каждая часть романа будет состоять из пролога и семи глав; да, я, опираясь на теорию, изображаю живых людей, даже таких, которых беру, можно сказать, «с натуры».

Но значит ли это, что я — некая мыслящая машина, которая подменяет творческое начало рационалистическим расчетом, которая вместо живых людей создает схемы, пригнанные к теории?

Критика, высказавшаяся до сих пор о романе, как будто не упрекает меня в этом. Ну, а думать, что, разработав план, я сел и написал единым махом свой роман, было бы просто неверно. Разве не свидетельствует об обратном то, что я около 7 лет возился с «Фицеком»? А эти рукописи, полагаю, тоже кое о чем говорят...

Анатолий Гидаш выбрасывает на стол десятки толстых папок с рукописями. Перелистываю. Это помногу раз переписанные и перепечатанные тексты романа. Перечеркнутые главы, неузнаваемо переделанные страницы, несметное множество коррективов. Следы напряженной и упорной работы.

— Не правда ли, — смеется А. Гидаш, — план и творчество, как видите, вовсе не исключают друг друга. Но без плана мне пришлось бы, вероятно, вдвое больше страдать. Да и кто знает, удалось ли бы мне вообще написать роман, если бы система моей работы не была именно такова? Сначала идея, выраженная тезисно, потом отбор материалов применительно к идейной концепции произведения, а затем формирование образов, выражающих столкновение идей.

Первый опыт накоплен. Писатель выработал уже известную сумму приемов. Теперь легче будет работать над продолжением «Фицека».

К осени 1938 года роман будет закончен. А затем последует третья часть трилогии: о судьбе сына Фицека — Мартона, которого автор доводит до первой социалистической пятилетки.

Я. РОЩИН

«На караул!» Момент из упражнений бойцов правительственной республиканской армии (Испания).

Что готовят советские писатели к двадцатилетию Великой Пролетарской революции

О пограничниках

Мы живем в Ленинграде, городе, находящемся вблизи границы. Советская граница, люди, охраняющие рубежи нашей родины, — эта тема давно меня привлекает, и сейчас, к двадцатилетию социалистической революции я готовлю произведения о советских пограничниках.

В редакцию «Двух пятилеток», для тома «Родина», мною сдан рассказ о пограничниках «Тревога». Для книги «Знатные люди города Ленина» я пишу рассказ о знатном пограничнике-комбриге Ковалеве. Наконец, я готовлю книгу о пограничниках. В эту книгу, среди других рассказов, будет включена и повесть об Андрее Коробицыне — герое-пограничнике, погибшем на боевом посту под Ленинградом в 1927 году.

Приложу все усилия, чтобы к двадцатой годовщине нашей революции закончить пьесу о Ленинграде — пограничном городе.

МИХ. СЛОНИМСКИЙ

Для театра и кино

Я пишу пьесу, основная тема которой — показ руководящей роли Ленина и большевистской партии в Великой пролетарской революции. Я хочу показать нашу революцию, как новый этап в истории, показать ее вождей и героев.

Помимо исторических документов я пользуюсь для моей работы воспоминаниями участников.

Для киевской киностудии заканчиваю сценарий о достижениях украинских колхозов.

Обе работы готовлю к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции.

К. ТРЕНЕВ

К великой годовщине

Я участвую в многотомнике «Две пятилетки», подготовляемом к 20-летию Октября. Написал повесть для тома «Родина». Это повесть о части моей великой родины, о Молдавии.

Молдаванский народ был одним из самых темных и отсталых народов европейской части России. Молдаванскую бедноту обирали помещики, над ней глумились управляющие, ее пороли земские начальники, урядники били ее по зубам, стражники секли ее.

В 1912 г. в Молдавии, в г. Балте, появился монах Иннокентий. Он стал предсказывать близкий конец света, и молдаванское население Приднестровья и Бессарабии, тысячи народа, целые села потекли к нему в Балту дожидаться конца света под воротами балтского монастыря. Я пытаюсь рассмотреть это иннокентьевское движение как нетерпеливое и трепетное предчувствие гибели того страшного мира, в котором жила и задыхалась молдаванская деревня, как смутное искание выхода из этого мира.

Повесть моя посвящена описанию того, как этот мир погибал, и как на его развалинах складывается и растет новая страна. Земля ее весела и плодородна, а люди трудолюбивы и жизнерадостны.

Повесть я закончил и приступаю к разработке плана пьесы о войне. В основу я кладу материалы моей книги «Иностранный легион».

ВИКТОР ФИНК

Мой план

В январе прошлого года мною были задуманы к 20-й годовщине Великой пролетарской революции следующие работы:

1. Повесть «Черный принц» — глава из истории Эпрона.
2. Повесть «Возмездие» для сборника «Две пятилетки».
3. Книга новых рассказов.
4. Новая книга под названием «Ключи счастья» — продолжение «Возвращенной молодости».

Две первые работы — семь печатных листов — мною сданы и редакциями приняты к печати.

Книга новых рассказов заканчивается.

Книга «Ключи счастья» начата, и я буду работать над ней в 1937 году. Надеюсь, что она будет закончена к лету или к осени.

М. ЗОЩЕНКО

«Ижорцы»

Великую двадцатилетнюю дату я встречаю книгой об ижорцах, над которой работаю два года.

«Ижорцы» — это роман об одном из передовых отрядов рабочего класса в нашей стране. Ижорцы — это люди, которые на своем заводе, в своем поселке, в своей стране изо дня в день, из года в год твердо, настойчиво, самоотверженно боролись за цели, указанные великой партией Ленина — Сталина.

Книга начинается с февральских дней 1917 года и заканчивается кануном XV с'езда партии — днями напряженной борьбы с троцкистами.

Работаю я над книгой не один. Мне помогает партийный комитет завода, помогают старые производственники, старые ижорцы.

С. МАРВИЧ

Кирилл ЛЕВИН

Боевые подруги

Выступая на конференции Забайкальского военного округа, мать командира т. Кунц сказала:

— Я с моим сыном в Красной армии давно.

Эта фраза очень характерна для женщин Красной армии. Недаром на последнем Всеармейском совещании жен командиров их называли «второй Красной армией». Многие из них начинали свою красноармейскую работу еще на фронтах гражданской войны, и история этой войны сохраняет на своих страницах немало воспоминаний о женщинах-героях, сражавшихся рядом со своими мужьями.

Ольга Митрофановна Овчинникова, жена капитана Жукова еще в марте 1917 года защищала революцию. В 1919 году она дралась под Харьковом и Купянском и командовала ротой. Полк, в котором она служила, был окружен корниловцами. Единственный путь спасения лежал через железную дорогу, где курсировал бронепоезд белых. И вот, черной осенней ночью Овчинникова во главе маленького отряда красноармейцев взрывает путь, и полк атакует бронепоезда, захватывает их и прорывается сквозь вражеское кольцо. Овчинникова награждена орденом Красного Знамени.

— Мы сражались за свое счастье, глядя прямо в лицо смерти, и мы видели впереди жизнь, прекрасную, свободную, — говорит она.

Любовь Чеботарева, жена военкома, замечательная общественница, хорошо известна во всех частях Горьковского гарнизона. Весной 1918 года в бывшей Самарской губернии Чеботарева работала учительницей. Она была на уездном с'езде учителей, когда вдруг распахнулась дверь и вошел командир в лихо заломленной папахе. Он обратился к делегатам:

— Товарищи, у меня нехватает медицинского персонала, некому перевязывать раненых, кто хочет пойти с моим отрядом?

Первой поднялась Чеботарева. Так она стала медицинской сестрой Чапаевского отряда. Через некоторое время Василий Иванович, увидев, как она пишет, сказал начальнику особого отдела:

— Она грамотная, учи ее на следователя.

И целые годы Чеботарева работала следователем Особого отдела, потом перешла в Самарскую чрезвычайную комиссию и приобрела опыт и закалку в этом трудном, казалось бы, не женском деле. Позже ее вызывал в Москву Дзержинский, и несколько лет она работала в Московской ЧК. За участие в подавлении эсеровского восстания она получила золотые часики от Дзержинского и до сих пор хранит их, как дорогое воспоминание.

Таких женщин, боевых подруг наших командиров, очень много, и даже один перечень их имен занял бы целые страницы. О них хорошо рассказывает книга «Боевые подруги», выпущенная газетой «Красная звезда» под редакцией М. Ланда и С. Рейзина. Книга эта несомненно очень нужная и своевременная. Она найдет широкий отклик в больших читательских массах. Впервые так полно показаны женщины Красной армии в их многообразной культурно-просветительной, боевой политической и спортивной работе. Перед нами проходит целая галлерея интересных образов партийных и непартийных большевичек, из которых каждая может быть темой для прекрасного рассказа. Некоторые цифры, приведенные в книге, могут дать понятие о работе жен командиров. Много тысяч их прошли за последние пять лет различные курсы, кружки и школы; 100 тысяч жен командиров учатся в 1936 году в учебной сети; 150 тысяч их учились в политических школах и кружках за последние пять лет. 30 тысяч — получили специальность за последние пять лет. 20 тысяч — участницы в коллективах художественной самодеятельности. Среди них—13 тысяч ворошиловских стрелков. Они помогли оборудовать и украсить 4000 ленинских уголков и сшили для Красной армии 120.000 вещей. Они совершают лыжные переходы в две с лишним тысячи километров (Тюмень — Москва) и проходят три тысячи километров пешком, как это сделали 26 жен слушателей Военной академии моторизации и механизации в прошлом году. Они прыгают с парашютами. Жена командира Вера Феодорова установила мировой рекорд высотного прыжка для женщин. За это Феодорова награждена орденом Ленина. Они сделались заправскими альпинистками. Впервые надели они тяжелые рюкзаки, высокогорные ботинки и взяли в руки ледорубы. Преодолевая сильные бураны, ночуя на морозе в спальных мешках, они осуществили под'ем на Эльбрус. Девятнадцать жен командиров Сталинабадского гарнизона совершили поход на неисследованную снежную вершину Гиссара. Они одолели высоту в 4150 метров, водрузили на пике красный флаг, и с этого пика, прозванного «Пиком жен командиров», послали приветствие вождю народов товарищу Сталину. Можно еще упомянуть поход сорока жен начсостава Черноморского флота на Ай-Петри, шлюпочный поход в Евпаторию, во время которого женщинам пришлось бороться с семибалльным штормом, несколько походов на конях, звездный переход жен командиров Тихоокеанского флота, походы в противогазах и так далее — без конца. Особо надо сказать о женщинах, живущих на далеких границах СССР. Вместе со своими мужьями они приезжали в дикие ненаселенные места и, спокойно преодолевая тяжелые трудности, создавали культурную и уютную жизнь. Они создавали детские сады и очаги, разбивали клумбы, обучали красноармейцев, а когда нужно было, брались за винтовку. Одна из самых замечательных страниц общественной деятельности боевых подруг наших командиров — это их забота о красноармейцах и командирах. Женщины приводят в порядок общежития Красной армии, устраивают красные уголки, шьют скатерти, салфетки, дорожки, стараются создать для бойцов домашнюю обстановку.

Главная заслуга книги «Боевые подруги» в том, что она сумела впервые так полно и широко показать многомиллионному советскому народу передовую женскую армию, армию боевых подруг наших командиров со всей страстью, любовью и энергией борющихся рядом со своими мужьями за процветание социалистической родины, за ее оборону.

За рубежом

Нобелевская премия 1936 г.

Нобелевская литературная премия 1936 года присуждена известному американскому драматургу О' Нейлю, автору популярных не только в Америке пьес «Негр», «Мохнатая обезьяна», «Странная интермедия», «Большой Броун».

О'Нейль в детстве много скитался по Америке с труппой маленького бродячего театра. Жизнь, полная приключений, внезапная смена тяжелых неудач блестящими успехами, постоянные переезды из одной страны в другую, пребывание подолгу в портовых городах, — все это дало ему возможность рано присмотреться к жизни бедноты, стать близким свидетелем угнетения негров в капиталистическом обществе. О'Нейль много писал о жизни негров.

В его пьесах (среди которых есть коротенькие, одноактные и очень длинные, рассчитанные на пятичасовое представление) живой реализм порой сменяется фантастикой и символизмом; острая динамичность — длительными монологами. Основной мотив в пьесах О'Нейля, своеобразного и весьма независимого драматурга Америки, — это глубокое сочувствие к угнетенному, страдающему человеку.

Письмо из Ленинграда

На-днях в Ленинграде вышел «Литературный календарь». На листках календаря, день за днем, перечисляются литературные события многих столетий.

Что даст такому **литературному календарю** прошедший 1936 год, замечательный год в летописи Советской страны, год величайших событий, год стахановских побед, год сталинской Конституции?

В один из последних дней декабря собрались писатели, возглавляющие ленинградскую литературную организацию. Просмотрев созданное в литературном Ленинграде в 1936 году, перелистав пожелтевшие страницы протоколов, регистрировавших работу союза, писатели вынуждены были заявить:

— Наш союз захирел. Голос союза советских писателей не звучал так громко, как следовало ему звучать, а иногда голос нашей литературной организации не был слышен вовсе.

Ленинградскими писателями написано и опубликовано очень мало произведений, которые были бы признаны победами советской литературы. Ленинградские писатели не могут назвать ни одного нового имени молодого художника, «открытого» в этом году в Ленинграде. При отдельных удачах и достижениях творческие итоги литературного года в Ленинграде не велики. Ленинградский союз писателей не сумел мобилизовать свои творческие силы для выполнения огромных задач, поставленных перед советской литературой.

Десятки ленинградских писателей вызвались работать над изданием «Двух пятилеток». Большинство литераторов не раз декларировало о новых романах, пьесах и поэмах, которые готовятся к 20-й годовщине Великой социалистической революции. Как недавно указывалось в нашей газете, в одном лишь «Литературном Ленинграде» было опубликовано... 139 деклараций!!

Но вот наступил 1937 год, наступило время выполнения всех этих обязательств и деклараций.

Давно уже прекращены подготовительные работы по выпуску книги «Социалистический Ленинград». За два с лишним года работа союза над этой книгой свелась к составлению всевозможных вариантов, планов и смет. Сборник рассказов о знатных людях города Ленина, задуманный союзом, — выйдет ли он?.. По предположению редакции сборника, для художественного оформления и типографских работ потребуется, примерно, полугодие. Иными словами, будущие рассказы должны уже, если не сдаваться в набор, то, во всяком случае, рассматриваться редакторами. На самом же деле у этого сборника отсутствует до сих пор твердая материально-издательская база, неизвестны точное содержание сборника и состав сотрудников. И может случиться, что выход книги будет сорван, или мы будем иметь дело с наспех написанными очерками и «портретами».

В таком же неопределенном положении находится и поэтический альманах «Ленинград», задуманный ленинградскими поэтами. Поэтическая секция союза лишь на-днях занялась обсуждением вопросов, связанных с альманахом. Но где эта книга будет издаваться, никто еще не знает. В Ленинградском союзе писателей нам сообщили, что Альманах издаст «Советский писатель», в представительстве «Советского писателя» заявили, что книгу издает Ленгосиздат, а в Ленгосиздате даже не знали, что такая книга издается...

В «Двух пятилетках», как выяснилось сейчас, читатель увидит лишь единичные произведения ленинградских писателей. Кроме М. Зощенко, М. Слонимского и еще нескольких товарищей, литераторы не выполнили своих обязательств.

★

Как-то на заседании президиума ленинградского союза сообщалось, что к юбилейным дням должно выйти чуть ли не 60 «индивидуальных» произведений писателей! Но стоит сопоставить эти данные с тем фактом, что в планах Ленгослитиздата к 20-летию Великой социалистической революции запроектированы лишь одна-две новых книги, и оптимизм руководства Ленсоюза будет несколько омрачен.

Более двух лет назад на совещании в ленинградском союзе тов. А. И. Угаров подчеркнул, что подготовке к 20-летию Октября союз писателей должен подчинить всю свою работу.

Не раз пытался союз выполнить эти указания, но все благие решения оказались похороненными в протоколах. Из года в год, например, выносились решения о превращении заседаний президиума и правления в творческие заседания с обязательным обсуждением на каждом из заседаний книг, намеченных писателями к 20-летию. Однако за 2½ года состоялось лишь одно обсуждение — сценария Н. Тихонова и Л. Арнштама «Друзья». О книгах, о творческих вопросах на заседаниях в союзе обычно не говорилось.

Дальше протоколов не шли и постановления о закрытом литературном конкурсе к 20-летию. Ничего не сделано для осуществления конкурса на песню.

Когда в союзе напоминают о невыполненной работе к великому юбилею, обычно мы слышим ссылки на неповоротливость и медлительность издательств. Не кажется ли руководителям союза, что эта нерешительность и медлительность вызваны тем, что союз во многих случаях не оправдывал доверия, бросая на ветер широковещательные обещания?

★

Союз не вел достаточно решительной борьбы со всякими рвачами, халтурщиками, недобросовестными литераторами, пытавшимися использовать любой случай, чтобы сорвать везде, где можно, тысченку-другую. Лишь на-днях «Литературная газета» сообщала о фактах недобросовестного отношения некоторых литераторов к конкурсу облисполкома. Союз не понял, что борьба с этими позорными явлениями в литературном быту является политической работой литературной организации, — лишнее доказательство, что с задачами политического воспитания писателей Ленсоюз справляется плохо.

Не так давно мы писали в «Литературной газете» о «странной забывчивости» ленинградского Дома писателя. Писательский клуб забыл о Всесоюзном с'езде советов!! Забывчивость эта не была случайностью: такие важнейшие политические мероприятия, как всенародное обсуждение новой советской Конституции и подготовка к Чрезвычайному с'езду советов были проведены в Ленсоюзе неудовлетворительно. Когда же президиум признал неудовлетворительность этой работы и решил провести в Доме писателя цикл вечеров, посвященных Конституции, цикл вечеров-рассказов о родине, то первый вечер был отложен на... полтора месяца.

Постановление Комитета по делам искусств о «Богатырях» Демьяна Бедного нашло живой отклик среди литераторов. Но в Ленинградском отделении союза писателей это постановление не обсуждалось. Лишь 23 ноября (через 10 дней!) президиум вынес постановление о созыве широкого собрания писателей и драматургов для обсуждения столь важного решения Комитета по делам искусств. Но прошло уже больше месяца, а собрания в союзе не было, о нем давно уже забыли. С запозданием откликнулся союз на напечатанную в «Правде» статью «Перо халтурщика» и на материалы, опубликованные в «Литературной газете», а ведь речь шла о части ленинградских писателей. Увы, и этот запоздалый отклик выразился в очередной записи в протоколе: «необходимо обсудить эти вопросы на ближайших заседаниях». Но обсуждение опять-таки до сих пор не состоялось.

Московская и ленинградская печать неоднократно критиковала ошибки газеты «Литературный Ленинград». Но правление союза так и не удосужилось заслушать отчет редакции своего органа. Более полугода тому назад президиум рассмотрел некоторые вопросы, связанные с работой редакции журналов. Но никаких решений не вынесено. Попрежнему журналами «руководят» неработоспособные редколлегии.

★

Политическая нечеткость, организационная расхлябанность — характерные черты работы союза. В сущности, деятельностью союза руководило не избранное писателями правление (ряд членов правления месяцами не появлялся в союзе и в многих «своих» постановлениях узнавал из газет), а «расширенный» секретариат, часто подменявший и президиум и правление. За все время существования союза писателей руководство ни разу не отчитывалось перед общим собранием, нарушая и этим элементарные основы советского демократизма, не прислушиваясь к критике рядовых писателей — партийных и беспартийных. Отсюда и то, что руководители писательской организации «не заметили» засоренности рядов союза контрреволюционными и чуждыми элементами и не сделали необходимых действенных политических выводов из этого факта.

Ленинградской писательской организации необходимо пересмотреть всю практику своей работы, подвергнуть ее прямой, большевистской критике. Нужно, чтобы самокритика вышла за пределы кабинетов президиума, чтобы работа организации стала предметом обсуждения широких кругов писателей.

Резкая критика ошибок, допущенных союзом и отдельными его руководителями, нерадостные выводы, которые приходится сейчас делать о работе союза, должны послужить серьезным уроком для дальнейшей деятельности писательской организации.

Ленинградская организация ССП имеет в своих рядах немало выдающихся мастеров литературы. Это делает работу союза особо ответственной. Резкий перелом в работе организации — важнейшая предпосылка творческой активности ленинградских писателей.

В. КР[illegible]

Накануне пушкинских дней

Декадники у писателей

Чем дорог Пушкин советскому читателю? Этой теме был посвящен очередной пушкинский декадник правления ССП СССР.

Выступивший с докладом В. В. Вересаев познакомил аудиторию с многочисленными высказываниями рабочих, колхозников, инженеров, учителей и студентов о произведениях Пушкина. Большая, искренняя любовь к великому поэту, подлинное восхищение его гением чувствуются в каждом читательском отзыве.

«Что мне в Пушкине нравится? А что в нем может не нравиться?», говорит в одном из писем читатель.

Нельзя было без волнения слушать зачитанные В. В. Вересаевым воспоминания Петрова о том, как в 1918 г. скрывавшиеся в глухой сибирской тайге красные партизаны читали томик Пушкина, как плакали они, слушая ясные простые слова поэта. «Мы учились тогда по Пушкину, — пишет Петров, — понимать жизнь, подлинную красоту». И дальше т. Петров вспоминает, как шли партизаны в бой, «подбадривая себя стихами Пушкина».

По докладу развернулись оживленные прения, в которых приняли участие литературоведы и читатели, отмечавшие значительный интерес доклада В. В. Вересаева.

Пушкинские места

Издательство Академии наук СССР выпускает составленный М. Калаушиным справочник - путеводитель «Пушкинские места». В живой очерковой форме автор справочника знакомит читателя с селом Михайловским, Тригорским и Пушкинскими Горами.

В книге помещена библиография произведений поэта, хронологическая канва его жизни и несколько географических карт местностей, связанных с именем Пушкина.

Юбилейные издания

Гослитиздат и «Academia» намерены выпустить в январе **девятнадцать** юбилейных изданий Пушкина.

Гослитиздат дает последний том шеститомника **(100.000)**, однотомник **(30.000)**, поэму «Цыганы» **(100.000)**, «Евгений Онегин» **(40.000)**. В иллюстрированной серии с гравюрами А. И. Кравченко выйдут «Египетские ночи», «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери» и «Медный всадник» (тираж каждого издания — **30.000**).

Ленгосиздат выпускает «Повести Белкина» с иллюстрациями Л. Хижинского, «Пиковую даму» (Н. Тырса), «Дубровского» (А. Пахомов), сказки (А. Кибрик), драмы (А. Якобсон), поэмы (художник Самохвалов).

«Академией» будут выпущены четвертый и пятый томы шеститомного собрания сочинений (тираж каждого тома — **25.000**).

Детиздатом намечены к выпуску десять названий пушкинской иллюстрированной серии: «Барышня-крестьянка», «Выстрел», «Гробовщик», «Сказка о попе и его работнике Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», два выпуска стихотворений и др. Большая часть этих изданий выйдет в количестве **50.000** экземпляров.

Альбомы и плакаты на пушкинские темы

К столетию со дня смерти А. С. Пушкина Изогиз выпустил красочный портрет великого поэта работы В. А. Тропинина, оригинал которого хранится в Государственной Третьяковской галлерее. Выпущены также портреты работы О. А. Кипренского, А. Е. Панова, Е. Гейтмана и др. и серия репродукций «А. С. Пушкин в картинах». Среди них многоцветные автотипии «А. С. Пушкин на экзамене в лицее декламирует стихи» — И. Е. Репина, «А. С. Пушкин в лицейском саду» — В. А. Серова, «Пушкин в селе Михайловском» — Н. Ге, «Бахчисарайский фонтан» — К. Брюллова, «У лукоморья дуб зеленый» — Н. Крамского.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Юмор и героика в детской книге

В порядке обсуждения

1

Я не противник сатиры. Я читал и Гоголя и Глеба Успенского. Я знаю, какую большую роль сыграл в истории нашего русского общества Салтыков-Щедрин.

Но ведь смех — это не только сатира. Ведь люди будут смеяться и через 200 и через 1000 лет. Люди будут смеяться просто из свойственной всякому здоровому человеку потребности смеха и потому, что смех украшает жизнь и делает ее теплее.

Не своевременно ли и нам подумать об этом сейчас, когда на планете нашей весна, когда человечество молодо, хочет жить, петь и смеяться. И смеяться уже не только саркастически, не только над врагом и над пороками ближних. Смеяться не для очищения, а для украшения жизни.

2

Мне скажут, что я немножко преувеличил, пересолил и просто-напросто опоздал.

Мне скажут, что юмор опять начинает просачиваться в нашу советскую литературу. И не только во «взрослую», но и в так называемую «детскую» литературу.

Это верно. Писатели начинают шутить.

Верно и то, что в тематическом плане Детиздата наряду с деловыми, героическими и прочими книжками значатся и так называемые «забавные», юмористические книжки.

Я очень рад такому многообразию издательского плана, но я протестую против этого холодного ведомственного «наряду».

Я за смех, за юмор (и за героику тоже), но я против детской «юмористической» и детской «героической» книжки.

Если можно так выразиться, я — против мелкопоместных жанров.

Большая литература вообще и детская, в частности, подобной мелкопоместности не терпят.

Нам нужна не героическая и не смешная книжка, нам нужна **книга**, детская книга вообще, где были бы и юмор, и героика, и лирика, и настоящие человеческие страсти, и большая мысль.

«Привычка находить во всем только смешную сторону есть самый верный признак мелкой души, ибо смешное лежит всегда на поверхности». Это писал еще Аристотель.

Я очень верю детскому вкусу. Дети не слишком любят «юмористику». Этим об'ясняется, между прочим, почему М. Зощенко не находит большого доступа в детскую аудиторию. Для детского читателя Зощенко односторонен.

Исключение составляют рассказы М. Зощенко, написанные им специально для детей. Сознательно или бессознательно, но писатель пользуется здесь больше, чем где-либо, фольклором, приемами народной сказки. Это обогащает писателя на наших глазах. Лично я считаю, что рассказ «Выбор профессии», написанный Зощенко для детского журнала,—один из лучших его рассказов за последние годы.

Но юмор и юмористика—разные вещи.

3

Книга, лицо которой лимонного цвета и безулыбчато, как лицо старой девы, лежит неразрезанная на библиотечной полке.

Книга без юмора может существовать и может именоваться книгой, но книгой для детей она не будет.

И вот поэтому я отстаиваю право на смех.

О героической книжке говорят у нас очень много. Вопрос о героике и вопрос о народности в искусстве связаны между собой очень тесно. Это—вопросы большой литературы.

Как и всякий большой вопрос, вопрос о героике требует оптической четкости и не терпит ни малейшей путаницы. А у нас в детской литературе уже путают. И путают основательно. Начать с того, что в детской литературе спутали героику с героизмом.

Нужно ли доказывать, что героика и героизм — не одно и то же?

Героизм — это поведение человека, когда человек жертвует жизнью для блага других. Это некий этический акт, проявление большого характера.

Героика же понятие более обширное и притом понятие эстетическое. Это сумма художественных образов, воспитывающих в человеке благородные, подлинно человеческие чувства (в том числе и героизм).

Героика—это проблема искусства.

Конечно же, героическая книга, призванная воспитывать в наших детях мужество, честность, прямолинейность, находчивость, смелость, любовь к товарищам, к родине и ко всему человечеству, не может оставить в стороне и вопроса о героизме.

Героизм как элемент героической книжки не только законен, но, может быть, и обязателен. Понимать же героику как стремительное нагромождение героических поступков бесстрашного и безупречного героя — это значит вульгарно понимать задачи искусства.

4

К сожалению, именно так—вульгарно и прямолинейно—и понимаются у нас задачи героической детской литературы. Под именем героической книги часто выступает у нас напыщенная, сухая и холодная, иногда чуть приподнятая, а чаще бесстрастно-протокольная запись героического события, если не вымышленного, то во всяком случае потерявшего под пером «героического» автора малейшие признаки подлинности.

Разнообразием эта литература не блещет. Смерть на посту. Смерть при исполнении долга. Спасение поезда. Спасение утопающего. Спасение замерзающего.

Тематика, надо сознаться, не слишком бодрая. Но автор и не пытается сделать свою книгу более жизнерадостной. Присутствие смерти, или хотя бы умирающего, в каждом рассказе заставляет автора стоять перед своим героем с обнаженной головой.

Герой постепенно канонизируется. К нему пред'является требование безупречности. Герой не имеет права страдать. Он не может ошибаться, трусить, терять присутствие духа. Он не может совершать глупости, не может чудачить, шутить. И самое главное — о нем, о герое, нельзя говорить весело, шутливо, с юмором.

5

А надо, надо, товарищи, писать весело, шутливо, с юмором.

Применительно к детской литературе можно сказать, что героична всякая хорошая, всякая **любимая** книга.

Возьмем для примера такую образцовую, классическую **любимую** книгу, как «Том Сойер». Можно ли эту книгу назвать героической? Конечно, можно.

В этой книге вы не найдете ни одного признака той «героичности», которая свойственна упомянутой «героической» литературе.

В этой книге всего одна смерть, да и та не героическая. В этой книге «спасение утопающих» преподносится, как известно, в несколько странной и далеко не традиционной форме. В этой книге немало грубости, озорства, издевательства над мещанской моралью.

И самое главное, эта книга от первой до последней страницы насыщена юмором —соленым, мальчишеским, мужественным и крепким юмором.

В чем сила юмора? Я думаю, прежде всего в том, что юмор предполагает в предмете или человеке, против которого он направлен, какую-то погрешность, какое-то несовершенство. Несовершенство же, как мы знаем, — извечное свойство человеческой природы. Юмор придает человеку человечность. Без юмора невозможно полное завершение образа.

Несомненно, что В. И. Чапаев дорог и близок нашему детскому (да и не только детскому) зрителю не только потому, что он, раненный навылет, обливающийся кровью, расстреливает из пулемета наступающего озверелого врага, но и потому (и в первую очередь поэтому), что на протяжении всех предыдущих кадров он был человеком. Он шутил, пел, смеялся, играл, попадал в неловкие положения.

Сила «Чапаева» в том, что героичность и юмор сочетаются в нем в очень тонкой и сложной пропорции.

В этом — народность картины. В этом нужно искать секрет и подлинно массового, подлинно народного успеха ее.

6

Не надо же бояться смеха.

Давайте лучше бояться скучных книг и скучных писателей.

Можно ли учиться юмору?

Да, можно, как и всему на свете.

И прежде всего источники юмора нужно искать в народном творчестве. Здесь мы найдем не только юмор, но и методику юмора.

Я говорил до сих пор о детской литературе. Но все это, в большей или меньшей степени, относится и к литературе взрослой.

Тут, как всегда, возникает вопрос: а где разница, в чем эта разница, в чем заключается специфика детской литературы и «детского» искусства вообще?

На этот вопрос когда-то замечательно ответил Константин Сергеевич Станиславский.

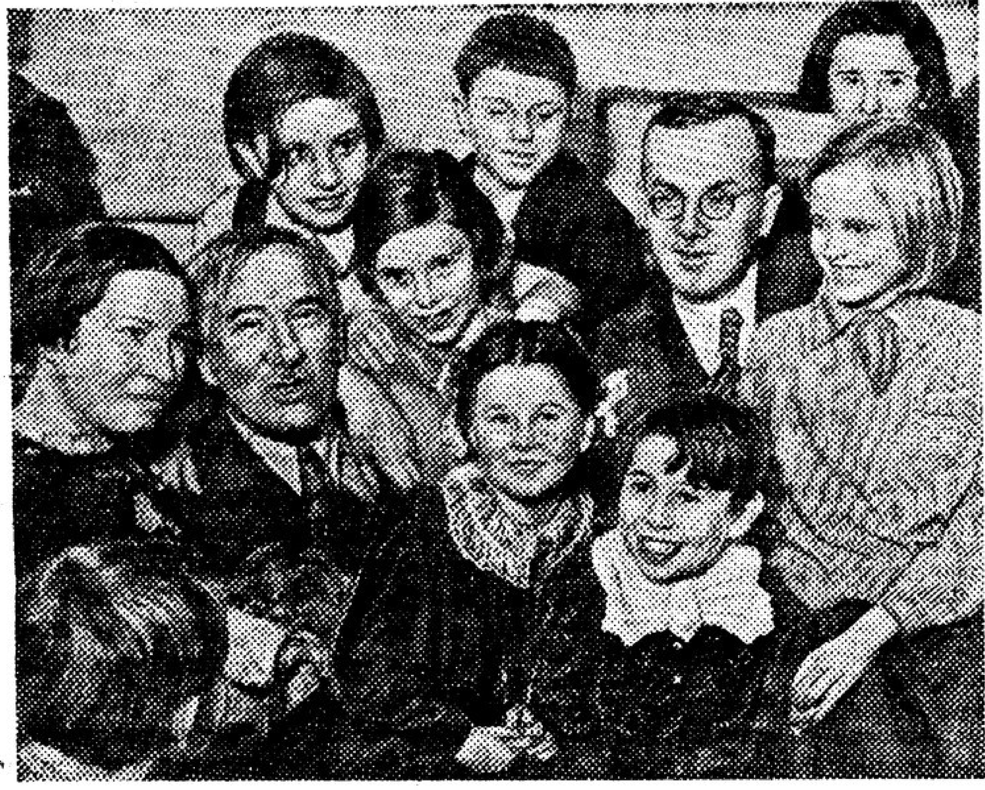
У него спросили: как, по его мнению, нужно играть на театре для детей?

Станиславский подумал и ответил:

«Так же, как и для взрослых, только чище».

Станиславский не досказал, почему же для ребят нужно работать чище.

Да потому, просто-напросто, что ребенка на мякине не проведешь...

Детские писатели А. Барто, К. Чуковский и артист Игорь Ильинский среди юных читателей на утреннике 1 января в Коммунистической аудитории Московского государственного университета

Фото Евзерихина (Союзфото)

Сцена перед замком (IV акт оперы З. Палиашвили «Абесалом и Этери» в Тбилисском государственном театре оперы и балета)

К декаде грузинского искусства

Грузинская народная пляска

Народная грузинская музыка — песенная и плясовая, начиная с простенькой лирической песенки, кончая сложной трех- и четырехголосной полифонией, богата красками, разнообразием ритмов и творческой тематики.

Жизнь, смерть, ненависть, радость, горе, труд, война, игры, молитва — послужили темой грузинских песен и плясок.

Разнообразие характеров, темперамента, обычаев различных провинций Грузии создало возможность открыть на музыкальной палитре все краски, все оттенки, которые может представить самая пламенная фантазия...

Отличительное свойство грузинской пляски — это разнообразные ритмы, легкость и страстность.

Танцуют соло, вдвоем и хороводом... Очень интересны мужские массовые танцы «перхули» и «хоруми» (Сванетия и Гури), отличающиеся очень сложным ритмическим рисунком и требующие большой ловкости.

Обыкновенно в «хоруми» танцоры образуют круг и, обнявшись, в сложном ритме движутся в одном направлении. Затем собирается второй круг, который вскакивает первому на плечи; третий круг вскакивает на плечи второму и т. д. Темп танца ускоряется, и в конечном итоге получается необыкновенное по своему своеобразию впечатление мерно и быстро вращающегося живого цилиндра. Пляска эта идет под хор, в котором часто один голос выводит на очень высоких нотах трудную фигурацию (подобно флейте).

На праздниках грузины любят состязаться в ловкости: джигитовка, стрельба, борьба. Борьба — «чидаоба» — ничего общего с так называемой французской борьбой не имеет. «Чидаоба» происходит под специальную музыку и вся построена на ритме, пластике, ловкости и изворотливости. Обычно победитель завершает свое торжество танцем «лекури».

Пшавы и хевсуры очень искусны и изобретательны в фехтовании, которое они проводят также строго ритмично под музыку.

Самый популярный танец в Грузии — лезгинка «лекури».

Имея в основе одну и ту же тему: похищение девушки, которая все время ускользает от преследования похитителя, этот танец, исполняемый во всех провинциях Грузии, отражает особенности местных нравов и темперамента.

Город Тбилиси или, вернее, один из районов Тбилиси — Авлабар является родоначальником оригинального, характерно - комического танца «кинтоури», т. е. танца кинто. Кинто — продавец фруктов и зелени. Всю свою торговлю он носит на огромном круглом деревянном блюде на голове.

Днем он торгует, а ночью пропивает свою выручку в духане, где под аккомпанемент «дудуки» (род дудки) слагает стихи и танцует «кинтоури», танец, вполне отражающий сущность и индивидуальность кинто. Конечно, в советском Тбилиси кинто нет места, и как он сам, так и его «кинтоури», отошли в историю «Старого Тифлиса», хотя «кинтоури» как танец имеет свою ценность.

Грузинские композиторы восстановили эти танцы в своих операх: «мирзал» и «лекури» (опера «Абесалом и Этери» Зах. Палиашвили), «давлури» и «лекури» («Сказание о Шота Руставели» Дм. Аракишвили), «хоруми» (опера «Даиси» З. Палиашвили), «кинтоури» («Кето и Коте» В. Долидзе).

Музыкальное сопровождение грузинского танца разнообразно.

Танцуют под «зурну», под «дудуки», «сазандахи» (оркестр восточных инструментов), «дайра» (бубен). Танцуют под хор, под пение соло в сопровождении «чонгури» и «пандури» (жилковые инструменты), «доли» (барабан) и под гармонию.

Огромные творческие силы и возможности таятся в широких массах, расцветающие сегодня в невиданных размерах и дающие новые ростки народного творчества, обогащенные новыми темпами, новыми образами.

ТАМАРА ВАХВАХИШВИЛИ

Факты и цифры

В Тбилиси создана государственная академическая хоровая капелла под управлением заслуженного деятеля искусств М. Кухенидзе. В состав капеллы отобрано 80 человек. В ее репертуаре, кроме лучших образцов народного искусства, — крупнейшие произведения европейских композиторов.

★

В колхозах, совхозах, на предприятиях и новостройках Грузии работают сотни самодеятельных коллективов, кружков, ансамблей, хоров. Кроме того в республике насчитывается 60 больших хоров (городские и районные). Наиболее выдающиеся из них: хор под управлением Шелегия в районе им. Ухакая, хор под управлением Симонишвили в районе Махарадзе, зугдидский хор под управлением Челидзе, абхазский хор, которым руководят Пацулая.

★

В Тбилиси в парке культуры и отдыха строится «Зеленый театр» на 3000 человек.

★

Музей искусств «Метехи» открылся в Метехском тюремном замке после реконструкции его. В музее три интересные выставки: живописи, шитья и архитектуры. Среди экспонатов много работ советских художников Грузии.

★

В Батуми заканчиваются строительство и художественное оформление здания нового государственного академического грузинского театра.

★

В Сухуми создан и открыл сезон Грузинский академический театр. В репертуар театра включены «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Арсен из Марабды» М. Джавахишвили, «Платон Кречет» А. Корнейчука и др.

★

В прошлом году в Тбилиси построены новые здания для государственного театра армянской драмы и русского драматического театра.

В. КИРПОТИН

Болдинская осень 1830 года*

Весной 1830 года предложение Пушкина было принято Натальей Николаевной Гончаровой. Для материального обеспечения поэта, собиравшегося начать семейную жизнь, его отец выделил ему часть из своих поместий в Болдино, в Нижегородской губернии. 1 сентября Пушкин выехал в Болдино для вступления во владение отведенной ему частью имения и для выяснения его доходности. Пушкин рассчитывал пробыть в Болдине очень недолго, устроить свои дела, вернуться в Москву и сыграть свадьбу. Пришлось же ему прожить в Болдине всю осень, почти три месяца: в Поволжье началась холера.

На всех путях к Москве были установлены частные карантины, свободный в'езд в Москву был закрыт. Материальные свои обстоятельства Пушкин выяснил очень быстро: имение было разорено, населявшие его крестьяне были нищи, рассчитывать на доходы с него не приходилось. Основной источник дворянского существования — доход с земли и крепостных крестьян — для Пушкина не существовал. И денежная сторона его быта целиком зависела теперь от его профессии, от гонорара за его литературные произведения.

До Пушкина подавляющее число писателей в России смотрело на литературу как на благодарную забаву, как на средство заполнения обеспеченных досугов.

Писатели-дворяне до Пушкина унизительным считали для своего достоинства, для своей репутации смотреть на себя как на людей, целиком отдавшихся литературе. Они чувствовали себя прежде всего барами, и потом только писателями.

Пушкин же в Болдине начал окончательно смотреть на себя как на писателя не только по призванию, но и по профессии. Пушкин в Болдине окончательно понял, что он отличается от обыкновенных дворян-помещиков не только гениальностью и мировоззрением, но и профессией, источниками дохода.

Пушкин рвался из Болдина в Москву, к своей невесте. К тому же его тревожили дошедшие в Болдино слухи, будто бы брак его расстраивается.

Настроение Пушкина в это время очень хорошо выражено в его письмах к невесте: «Вот я и совсем готов почти сесть в экипаж, — писал он ей, — хотя мои дела не кончены, и я совершенно пал духом. Мне об'явили, что устроено пять карантинов отсюда до Москвы, и в каждом мне придется провести четырнадцать дней, сосчитайте хорошенько и притом представьте себе, в каком я должен быть скверном настроении! К довершению благополучия, начался дождь, с тем, конечно, чтобы не перестать до самого санного пути... Будь проклят тот час, когда я решился оставить вас и пуститься в эту прелестную страну грязи, чумы и пожаров, — мы только и видим это. Я бешусь. Наша свадьба, повидимому, все убегает от меня, и эта чума с ее карантинами, — разве это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать».

Чумой Пушкин называет в этом письме холеру. Во время своего пребывания в Болдине Пушкин был свидетелем крестьянских волнений, разыгравшихся в связи с эпидемией.

Три раза выезжал Пушкин из Болдина и три раза вынужден был возвращаться обратно. Вынужденное свое сидение в Болдине, одиночество свое, которое не разнообразилось общением ни с какими соседями, Пушкин использовал для художественного творчества. Никогда Пушкин не создавал столько изумительно совершенных произведений искусства в такой короткий срок. Он написал в Болдине две последние главы «Евгения Онегина» и, кроме того, еще одну главу, в которой изображено участие Онегина в заговоре декабристов и которую он там сжег, боясь тяжелых последствий, которые неминуемо последовали бы для него, если бы эта глава романа стала известной, далее, стихотворную повесть «Домик в Коломне», драматические произведения: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон-Жуан», серию прозаических рассказов под общим заглавием «Повести Белкина», «Историю села Горюхина», большое количество лирических стихотворений и литературно-критических статей. И все это за неполных три месяца!

Болдинская осень замечательна в биографии Пушкина не только количеством написанных произведений, но и их характером. В Болдине окончательно вызрел реализм Пушкина, в Болдине Пушкин делает предметом трезвого, правдивого изображения все слои русского общества, не только дворян и знати, но и мелких помещиков, мещан, ремесленников и крестьян — «дворец и хату, чердак и келью». Реализм Пушкина сыграл исключительную роль для всей последующей истории русской литературы: все величайшие достижения русской классической литературы были достигнуты на основе реалистического подхода к действительности.

Законченный в Болдине «Евгений Онегин» вырос в роман, в рамках которого Пушкин свободно, просто и верно описал всю жизнь современного ему общества в России. «В Онегине, — писал Белинский, — мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития. С этой точки зрения «Евгений Онегин» есть поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица. Историческое достоинство этой поэмы тем выше, что она была на Руси и первым и блистательным опытом в этом роде. В ней Пушкин являлся не просто поэтом только, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания: заслуга безмерная!.. «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением.

Удивительно ли, что эта поэма была принята с таким восторгом публикой и имела такое огромное влияние и на современную ей и на последующую русскую литературу? А ее влияние на нравы общества? Она была актом сознания для русского общества, почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него!.. Этот шаг был богатырским размахом, и после него стояние на одном месте сделалось уже невозможным... Пусть идет время и приводит с собою новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет «Онегина»: как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор».

Как художник-реалист, Пушкин дал в «Евгении Онегине» подробную и верную картину общественной жизни в России его времени. Как провозвестник общественного сознания, Пушкин обрисовкой характеров в романе и критическим изображением господствовавших нравов как бы доказывает: «человек родится не на зло, а на добро, не на преступление, а на разумно-законное наслаждение благами бытия, его стремления справедливы, инстинкты благородны. Зло скрывается не в человеке, но в обществе, так как общества, понимаемые в смысле формы человеческого развития, еще далеко не достигли своего идеала...» (Белинский).

Пушкин в своем романе сочетает верность изображения тогдашней общественной жизни в России с началом критического отношения к ней, отношения, подхваченного и углубленного передовыми людьми последующих поколений.

Содержание маленьких трагедий, написанных Пушкиным в Болдине, взято из истории Англии, Испании, немецких земель. В этих драматических произведениях Пушкин обнаружил замечательную способность своего гения входить в жизнь других народов, вникать в ее суть, глубоко и сочувственно проникаться ее содержанием, перевоплощаться в ее образы. Эту особенность пушкинского гения первым отметил великий русский критик Белинский в своих замечательных статьях о творчестве поэта.

Вслед за Белинским об этой черте Пушкина говорит Достоевский в известной речи о поэте. Как правильно отметил еще Белинский, эта особенность гения Пушкина коренится в русском национальном характере, одной из черт которого является отсутствие национальной исключительности, интерес к прогрессивным достижениям культуры других народов, способность быстрого усвоения интернационального богатства науки, искусства, политики.

Реализм Пушкина в маленьких трагедиях торжествует не только в верном изображении особенностей тех стран, где развертывается их действие. Он проявляет себя и в исключительной силе обрисовки характеров самыми экономными средствами. Герои маленьких трагедий, так же как и герои «Бориса Годунова», не являются, подобно тому, как это имело место у Байрона, носителями одной искусственно выделенной человеческой страсти. Они — живые многосторонние люди, у которых господствующая страсть не мешает проявлению других черт их характера, как это бывает у всех людей, как этому учит правдивое реалистическое изучение действительности.

В «Повестях Белкина» Пушкин выводит в качестве героев таких лиц, которых предшествовавшая дворянская литература считала недостойными для изображения в искусстве: ремесленника-гробовщика, мелкого чиновника, станционного смотрителя и т. д. Рассказ «Станционный смотритель» исполнен глубокой человечности, искреннего сострадания к людям, стоявшим на низших ступенях социальной лестницы. В нем мы видим проявление того сочувственного отношения к обездоленным, к униженным и оскорбленным, которое проявилось у Гоголя в «Шинели», у Григоровича в «Антоне-Горемыке», в ранних произведениях Достоевского, у Некрасова, которое составляет такую замечательную положительную особенность русской реалистической литературы.

В «Истории села Горюхина» Пушкин оставил нам сатирическое изображение крепостного права, бесчеловечного хозяйничанья помещиков, разорения и обнищания крепостных крестьян. «4 мая. Снег. Тришка за грубость бит, — приводит Пушкин отрывок из записей одного из владельцев села Горюхина, — 16 — корова бурая пала. Сенька за пьянство бит. 8 — погода ясная. 9 — дождь и снег. Тришка бит за пьянство, по погоде».

Бесчисленные Тришки и Сеньки платили за такое обращение с ними ненавистью к своим владельцам, подымаясь против них при всяком удобном случае с дрекольем и вилами. Пушкин в Болдине много думал об отношении помещиков к крестьянам. Он видел, что крепостное право, превращавшее крестьян в предмет бесчеловечной эксплоатации и истязаний, в то же время разоряет самих помещиков. Он понял, каковы истинные чувства крепостных рабов по отношению к дворянам-землевладельцам. Болдинские наблюдения пригодились Пушкину для следующего этапа его творчества, когда он стал особенно пристально интересоваться темой крестьянских восстаний.

Трезвый реалистический взгляд на неприглядную русскую действительность отразился и в лирике Пушкина. В одном из стихотворений, написанных в Болдине, он писал:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса,
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил.
Скорей! Ждать некогда! давно б уж схоронил.

Обширное знакомство с русской действительностью, с различными областями страны, с ее историей, внимательное изучение взаимоотношений помещиков и крестьян, высокая образованность, непрестанное учение, не прекращаемое всю жизнь, дало свои плоды: реализм Пушкина достигает полной зрелости.

* Глава из написанной В. Кирпотиным популярной биографии А. С. Пушкина, предназначенной для массового издания и выходящей в государственном издательстве «Художественная литература».

Рис. В. Турманидзе.

Профессор Горностаев—нар. арт. Союза ССР И. Москвин

Полковник Малинин — арт. Б. Петкер

Десятилетие «Любови Яровой»

Моя работа над «Любовью Яровой»

«Любовь Яровая» задумана в 1925—26 гг.

Когда Художественный театр включил мою пьесу «Любовь Яровая» в свой репертуар, передо мной встал вопрос о пересмотре текста пьесы.

Пьеса писалась 10 лет назад под непосредственным впечатлением событий, от которых теперь отделяют нас почти двадцать лет.

За десять лет неимоверно вырос советский зритель. Неимоверно выросли его требования к театру. Это явилось серьезнейшим мотивом для пересмотра текста пьесы.

Приступив к этой работе, я убедился в невозможности для себя серьезно перерабатывать пьесу по истечении десятилетия.

Можно написать новую пьесу о гражданской войне, и она должна быть несравненно более совершенна, чем «Любовь Яровая», но рвать живую ткань этой пьесы я уж не смог.

Я переработал некоторые отдельные сцены, внес несколько новых сцен, но в основной интриге, в трактовке образов пьеса оставлена в том же виде.

Малый театр, поставив «Любовь Яровую», придал пьесе серьезный агитационный характер, и эта сторона способствовала прочному успеху его постановки. Вместе с тем он остался в этом спектакле на высоте своего большого художественного мастерства, и это главная причина «долговечности» пьесы.

Если бы трактовка «Любови Яровой» исчерпывалась агитационно-плакатным методом, то не только не росло бы внимание к этой пьесе, но она давным давно была бы забыта.

Мне кажется, причина внимания советского зрителя к пьесе не в том, что театры ставят ее «агитационно-плакатно», а, во-первых, в теме — гражданская война, во-вторых, в том, что театрам удается донести до зрителя те крупицы живой поэзии, которые для драмы так же обязательны, как и для стихов.

В замечательной работе Художественного театра над «Любовью Яровой», мне кажется, особенно выявляется именно эта сторона пьесы. Мне хотелось бы много и долго говорить о громадном наслаждении совместной работой над пьесой с таким мастером, как Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Советский театр — лучший в мире. Советский зритель — самый авторитетный, самый строгий и самый благодарный зритель. Его воспитала большевистская партия, вождь народов, великий строитель новой жизни, нового человека — И. В. Сталин, уделяющий советскому искусству столько любовного внимания. И автор «Любови Яровой» имеет величайшее для писателя счастье свидетельствовать об этом.

К. ТРЕНЕВ

Испытание временем

Пьесе «Любовь Яровая» К. А. Тренева исполнилось 10 лет. И до сих пор она ставится во многих городах Советского Союза (Москва, Ростов, Харьков и др.) на сцене профессионального и самодеятельного театра. Не много пьес советских драматургов выдержали такое испытание временем.

Написанная в 1925—26 годах, когда уже отгремели выстрелы гражданской войны, пьеса «Любовь Яровая» сохранила аромат этих незабвенных дней.

К. А. Тренев — очевидец гражданской войны (он был в это время в Крыму). Он был свидетелем зверств белогвардейцев и немецких бандитов, жестоко расправлявшихся с трудящимися. К. Тренев видел полки Красной армии, очищавшие Крым от всякой нечисти, он видел ее героизм, понял великие идеалы, за которые сражалась эта армия. И Тренев создал пьесу, которая является лирической поэмой о тогдашних суровых и радостных днях.

За 10 лет коренным образом изменилось лицо нашей страны. Социализм прочно укрепился в Советском Союзе. Сталинская Конституция отразила и закрепила на своих страницах величие побед, завоеванных рабочими и крестьянами под руководством большевистской партии. Но нужно помнить героическое прошлое и великую борьбу на пройденном пути. Этому помогает и пьеса «Любовь Яровая».

В Малом театре в Москве пьеса не сходит со сцены до сегодняшнего дня и вызывает у зрителя горячие волнующие чувства. Пьеса не умирает, спектакль живет. Потому что «Любовь Яровая» — настоящее художественное произведение, а не подделка.

Для актеров Малого театра исполнение этой пьесы было целым событием Первый советский спектакль на бывшей «императорской» сцене. В. П. Пашенная радостно встретила пьесу. Волнующе и вдохновенно исполняет она роль Любови Яровой. Отдельные актеры не хотели играть «братишек», но спектакль состоялся, и удача сопутствовала ему. Советский зритель принял пьесу и горячо ее полюбил.

Сейчас «Любовь Яровую» поставил Московский Художественный театр им. М. Горького.

К. А. Тренев для новой постановки внес отдельные исправления. Наново написана сцена «освобождения Швандп». Но в основном пьеса осталась та же.

С. РОЗОВ

Поэты недовольны работой своей секции

Общемосковское собрание поэтов

Года полтора существует при правлении ССП секция поэтов.

Что внесла эта секция в нашу поэтическую жизнь? Сумела ли она стать фактором, стимулирующим работу поэтов, способствующим созданию подлинно творческой среды?

Все эти вопросы встали на общемосковском собрании поэтов (2 и 3 января) в связи с отчетным докладом А. Суркова о работе секции.

Прения, развернувшиеся по докладу, носили очень оживленный характер и отчетливо выявили недовольство поэтов деятельностью секции.

Отмечалось отсутствие четкого плана работ у бюро секции, слабая его связь с поэтической средой, недостаточное внимание к редакторской практике в отделах поэзии в издательствах, а главное — почти полная оторванность от действительности, неумение оперативно откликаться на актуальнейшие задачи, этой действительностью выдвигаемые.

В прениях выступили тт. В. Гусев, Г. Шенгели, С. Городецкий, П. Орешин, М. Рудерман и др.

Подробный отчет — в следующем номере «Литературной газеты».

«Требуем ответа»

Письмо в редакцию писателя К. Федина

В № 69 «Литературной газеты», в статье от редакции под названием «Требуем ответа», я прочел следующие строки:

«Советская общественность вправе также задать вопрос и тов. К. А. Федину, который трижды в правлении Литфонда требовал защиты авторских прав Л. Савина, требовал переиздания «Нафты». К слову сказать, тов Федин — член правления Литфонда, который ограничил свою деятельность в нем в основном... ходатайствами за Л. Савина».

Все изложенное в приведенном абзаце не соответствует действительности. Не только «трижды», но просто ни разу я не обращался в правление Литфонда с «требованиями защиты авторских прав» тов. Савина. Точно так же нигде и никогда я не «требовал переиздания» романа «Нафта». И точно так же никогда не «ходатайствовал» перед правлением Литфонда о тов. Савине. Правда, я не проявил себя как член правления Литфонда. Но это сказано «к слову» и, стало быть, не имеет отношения к существу дела.

Что за источники могли быть у этой легенды?

1. Во время хлопот о своем деле тов. Савин жил у меня на даче. 2. Меня встречали в Литфонде в его обществе. 3. Я присутствовал в суде на разбирательстве его иска к издательству «Советский писатель».

Отсюда видно, что я общался с тов. Савиным в то время, как он искал деньги с издательства «Сов. писатель». Что этот факт имеет общего с «требованиями» и «ходатайствами»? Если бы я с ними выступал, я признал бы это. Но я никогда не признаю, мягко говоря, «неточностей», допущенных ошибочно или умышленно.

КОНСТ. ФЕДИН

К Н И Г И

Б. БРАЙНИНА

Темное царство

Темное царство, темный мир, «ничего святого, ничего чистого, ничего правого в этом темном мире» (Добролюбов).

Проходили десятилетия. Свиное рыло самодуров Островского постепенно превращалось в иезуитское благообразие Африканов Смолиных и Тарасов Маякиных. Мир становился темнее и темнее, поток «из денег, грязи и крови» захлестывал все живое. Опрокидывать других людей, вгрызаться в горло — вот непреложный закон «темного царства».

В наши дни, в нашей стране «красоте и гению не нужно удивляться». Человеческое тупоумие — наследие «темного царства» — вызывает гнев и удивление. Недаром Максим Горький говорил, что «надо знать прошлое, чтобы любить настоящее». В своей художественной практике этот гениальный писатель беспрестанно изобличал «свинцовые мерзости» прошлого.

Нашим писателям и критикам следовало бы обратить внимание, что в целом ряде писем, адресованных в журналы и библиотеки, рабочий и колхозный читатель просит «приоткрыть завесу старого прошлого», той «мрачной жизни», когда «зависел каждый от ветра и сам по себе бедовал одиночно». Это необходимо, чтобы еще с «большим упорством строить прекрасное здание настоящего».

В своем талантливом романе «Дорога мертвых» С. Марвич показал, как государственная машина царской России обезличивала людей, губила все прекрасное в человеке. Весьма интересен в романе образ лесничего. Этот образ напоминает чеховского доктора Астрова. Судьба интеллигенции, у которой есть «смелость, свободная голова, широкий размах», поистине была трагична. Всякие попытки итти по пути прогресса, мирным путем обновить «скучную, глупую, жизнь», всякие попытки «культуртрегерства» были бесплодны и бесполезны. И чеховский Астров и лесничий у Марвича мечтают о культурном ведении лесного хозяйства. Поэтически мечтают о радостном труде человека, умеющего использовать природные богатства.

Лесничий в «Дороге мертвых» отличается от чеховского интеллигента большей непримиримостью. Когда рушится его мечта возродить край, дать работу голодающим крестьянам, наладить посадку и вывоз леса, он бежит из лядских лесов в «глухие и спокойные леса Кавказа». Он бичует полное равнодушие государства к благу народа, безобразное стяжательство власть имущих, которые через посредство «ученых воров, взяточников» обделывают свои темные делишки.

Весь талант лесничего, весь пыл его сердца, все творческие его способности — в заколдованном кругу непонимания, неуважения, прямой враждебности.

Зато блаженствуют стяжатели, хищники, для которых «лихая случайность» разбогатеть обращается в своего рода необходимость. Купец Наум Соколов, жестоко обманувший лесничего, — подлинный «герой капиталистической России». Это «боров и есть, не человек» и «сама душа дана ему вместо соли, чтоб не стило мясо». Никаких человеческих чувств, ничего, кроме страсти хапать, хватать, рвать, всюду везде у всех. «Чортом гуляет» по лядским землям и лесам. «Изводит леса как медведь». Скупает за гроши у крестьян участки, хозяйствует над несчастной долей лядских мужиков. «Выпучит глаза, рот красный, слюнявый. Не подступись. Как корова языком слизнула. И не спросишь у него».

Сродни купцу Соколову в своем бешеном себялюбии меньшевик Ефрем Крейнин. Теми же путями, которыми Соколов добивается денег, обогащения. Ефрем хочет добиться власти и почета: та же хитрость, предательство, изворотливость, наглость. Те же методы поведения, то же хищническое отношение к человеку, та же волчья хватка.

Он «мелкий болтун», «ни чорту брат, ни богу сын», политикан, двурушник, Ефрем Крейнин — червь, подтачивающий революцию, скрыто вредящий народу.

Ефрем не уважает коллектив, свысока относится к народу, он сетует, что «народ чрезмерно накачали политикой». Утратив власть, оставшись в одиночестве, Ефрем затаил хитрую и злобную обиду на революцию. Он приспосабливается, он лицемерит, он двурушничает, он исподтишка бросает в юные, неопытные души семена недоверия, лжи, властолюбия. Как же не злобствовать, не мстить, если «современность без себя Ефрем считал безвременьем, пустой порой».

К сожалению, не все персонажи романа одинаково полноценны и оригинальны. Несколько бледен образ владельца «биржи», грозного старика Крейнина, шаблонен образ декаденствующей барыньки Валентины Новакович и ее беспутного мужа, образ скептика полковника Петунина.

К композиционным недочетам следует отнести некоторое злоупотребление приемом «форгешихте» (в отдельных случаях прием этот использован блестяще). Когда характер героя еще не ясен, когда его жизненный путь только начинает развертываться, сообщается (часто в скобках) дальнейшая (иногда окончательная) судьба героя. Это вызывает раздражение читателя, ослабляет интерес к тому или иному герою. Так задолго до конца романа известна судьба спекулянта Бреговского, Ефрема Крейнина, дочери Соколова Белы Наумовны и др.

В романе много лишних персонажей, которые создают толчею, перегрузку, некоторую хаотичность композиции. В то же время полный большого социального смысла образ купца Соколова выпадает из сюжета уже в первой трети романа.

Во второй части романа на первый план выступает фигура спекулянта Бреговского. Это крупный хищник военного времени. Один из тех, кто покупал и продавал Россию, один из тех мародеров, которые раздирали на части тело страны. Этот образ как бы сменяет образ Наума Соколова, являясь наследником всех его черт, гипертрофируя эти черты, вырабатывая приемы хищника уже почти международного масштаба.

В романе нет и следа равнодушия автора к изображаемым событиям и героям. Гнев к властителям «темного царства» и гордость за новый, светлый мир, отвоеванный Октябрьской революцией, заставляют писателя непосредственно в ряде отступлений давать оценку тем или иным людям и явлениям. В этих отступлениях переплетаются лирика, публицистика, сатира.

«О, как умели забытые мастера насытить этим временем свои труды. Даже переложенное ими для меди второе скерцо из оперы «Паяцы», под которое кавалерия проходила рысью на парадах, звучит так, что вижу я тот самый рыжий берег реки, где лагерем стоял перед войной полк Скоропадского, вижу, как двое солдат уводят третьего, как ротмистр оразмаху бьет этого третьего острым концом сапога пониже спины».

Тем более досадно кое-где встречающееся панибратство с читателем, снижающее высокий уровень авторских отступлений. Колют ухо и глаз фразы: «читатель видит на примере Антона Казимировича», «автор принужден с большим сожалением отметить...», «автор мог бы и не об'яснять причину этих быстрых превращений» и пр.

Талантливый роман Марвича — повествование о российском «темном царстве» накануне и в момент его гибели. Острота взгляда и гнев писательского сердца превратили документы о военно-революционном Петрограде в художественные образы большого диапазона. Марвич показал «дорогу мертвых», по которой шествовали властители, князьки и лакеи старого мира. Финансовую аристократию Петрограда, финансовых королей, властителей «темного царства» Марвич показывает, вооружаясь подлинными документами, прекрасным знанием жизни и быта. Роман ценен этим знанием, документальностью, замечательными исследованиями событий, эпизодов (иногда малоизвестных) будней военно-революционого Петрограда. Читатель видит систему наглого жульничества, циничного стяжательства в интендантских операциях царской армии, спекулянтские кафе, азарт непристойных, бешеных спекуляций в дни войны, подпольный кабак «Галатея» (после Октябрьской революции), ошалелую злобу, отвислые губы, пьяные, гнусные глаза врагов революции.

Читатель узнает о «бендеровской школе войны», о полковой музыке, о военных капельмейстерах, о жизни немцев в старом Петербурге, о «запасном северном пути» в дни войны, узнает историю сейфов в петроградских банках и пр. и пр. И все это не фон романа, а система образов, раскрывающая основную тему — тему гибели «темного царства».

Хорошо, что роман обращен в будущее, что автор умеет создать перспективу, что из Вчера он смотрит в Завтра.

Заседанию революционного кружка в дореволюционном Петрограде сопутствует «форгешихте»: «А если перекинуть через два или три десятка лет, то один из этих спорщиков формировал штаб Красной армии, другой командовал армией, третий писал историю своей жизни, четвертый строил новый город. Все умели видеть. Умели издали различать потаенных врагов».

Изображая тайное заседание крупных промышленников в первые недели Октябрьской революции, автор пишет:

«Но они еще и еще раз сойдутся в этой комнате окном на двор. И отсюда, как змеи, протянутся нити их велений. Нити тайно проползут через года. Напитанные последним ядом, они еще смогут выжечь щели в стенах чужой жизни».

Предсмертный яд и злость темного мира действительно «тайно проползли через года». Ефремы Крейнины, всякого рода двурушники и предатели действительно попытались «выжечь щели в стенах чужой жизни». Лицом к лицу — два мира. На знамени одного черные буквы: разрушение, смерть, человеконенавистничество. На знамени другого горячие слова: радость творчества, любовь к человеку.

Великая Октябрьская революция освободила шестую часть мира из оков «темного царства». В ответ на это задергались, забеспокоились, оскалили пасти выродки человечества. Весь смрад, вся гниль, весь яд человеконенавистничества об'единились в «темном царстве» фашизма. Темнее этого темного мира еще не знала человеческая история. Но в отчаянной, фанатической, бредовой злобе этого темного царства всякий чувствует последние судороги, запах тления, «дорогу мертвых».

Ф. ГИНЗБУРГ

ИСКАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

«Завидую я тебе, — сказал Бобров, когда Гриша вышел из тьмы и очутился рядом с ним. — Сколько у тебя всего впереди».

«Я вот, кажется, и молодым никогда не был. И молодости своей не помню. Кажется, целый век таким и был, Петькой Бобровым».

В такой уныло-пессимистической интонации вступает в действие романа Я. Шведова «Резкий свет»*, старый комсомолец завода, мастер мартеновского цеха, организатор всей общественно-производственной жизни цеха.

Кто же такой Гриша, которому завидует Бобров?

Оказывается, Гриша — молодой парень, выпущенный из угрозыска, куда он попал за участие в темном деле.

Завидует Бобров и «такой компании», с которой водится Гриша. А компания это — сообщники налета, в котором участвовал Гриша.

Весь диалог между Бобровым и Гришей так построен автором, что у читателя создается впечатление, как будто в неудачной личной жизни Боброва виноваты комсомольские нагрузки и скучная заводская жизнь.

Это один из бесчисленных примеров смещения планов в романе.

Центральная фигура — юный рецидивист Гриша Бурмистров — подается Шведовым в романтически-приподнятом плане. Романтизации этого образа Шведов достигает главным образом через мало понятное читателю восхищение этим бесцветным, жуликоватым парнишкой всех — особенно женских — персонажей романа. Очень наивна попытка автора не снижать образ Гриши, сохранить всю его романтическую приподнятость даже в разгар его деятельности как налетчика. Шведов настойчиво убеждает читателя в том, что Грише «это занятие было не по душе. Он хотел только испытать удачу, только попробовать и во-время отступиться. Отступиться во-время — это самое главное». Создается впечатление, что все дело в том, чтобы знать меру, и беда в том, что «после трех удачных случаев Гриша позабыл о своем решении».

С ночных бульваров Монмартра, куда безработица гонит девушек, запечатленных в романах Шарль-Луи Филиппа, переселяет Я. Шведов на советский сквер и на страницы романа о советской молодежи двадцатичетырехлетнюю Ольгу, но наделяет ее при этом прекрасно зарабатывающим отцом-монтером, эстетскими изломами, верностью Пенелопы и инициативой «Соньки — золотой ручки».

Этой молодой авантюристке отведена роль сирены — завлекательницы неустойчивого юноши на путь порока. Развитие сюжета построено на фатальных встречах и разлуках Гриши с Ольгой, в интервалах же раздается шум завода, в мартенах плавится металл и раздаются уныло-дидактические речи комсомольца Боброва.

Все это сделано наспех, безжизненно, коллектив завода представлен дезорганизованным, лишенным всякой производственной дисциплины.

И совершенно непонятно, откуда же грядет дальнейшая «переплавка» Гриши. В связи со всем течением романа читатель не очень удивлен, что эта «переплавка» представлена совершенно карикатурно.

Комсомолец «без страха и упрека» Бобров и демоническая Ольга состязаются за Гришу. Влияние Боброва на Гришу ощутительно только тогда, когда поблизости нет Ольги. В конце концов, к изумлению читателя, оказывается, что не стоило и вести эту борьбу.

Романтические отношения Ольги и Гриши, перерастающие в конце романа в сантиментальную идиллию, уничтожают всякую оправданность этого, как будто бы основного мотива в романе. Гриша — то карманный воришка, то ударник завода — в конце концов остается на заводе, сохраняя за собой и Ольгу. Шведов даже не дает себе труда об'яснить читателю, почему в третий раз Ольга появляется в романе «скорбно-радостная», почему Гриша считает, что «еще рано расспрашивать» о причинах, побудивших ее второй раз толкнуть его на грабежи и т. д. и т. д.

Вот как, например, представлено превращение Гриши в «гордость завода». Скрываясь после неудачного ночного грабежа, Гриша прячется у радушно встречающего его Боброва и чтоб «как-нибудь избавиться от бобровских наставлений», переводит разговор на случайное свое наблюдение над характером плавки стекла и говорит о возможности использовать его для рационализации производственного процесса. Случайно оброненная Гришей в полубредовом состоянии фраза играет фатальную роль.

Потрясенный ночной неудачей и страхом перед ее последствиями, Гриша заболевает, потом завод отправляет его в санаторий, а слащаво-сантиментальный Бобров работает в это время над его «открытием» и над превращением Гриши в героя.

Через несколько страниц читатель, еще не оправившись от изумления, вызванного тем, что воры-рецидивисты подкрепляют свое расшатанное неудачными налетами здоровье в санатории, узнает о том, что Гриша стал «гордостью завода», что его «вырастил коллектив молодежи седьмого мартена».

Художественная неоправданность тяготеет над каждой ситуацией романа.

Стяжательство отца Гриши, наделенного автором маниакальными собственническими инстинктами, по уверению автора, — первопричина грехопадений сына. Интересно, что вороватый юнец считает постройку отцом собственного дома неизмеримо постыдней своих ночных охот за легкой наживой.

По существу, весь смысл романа сводится к посрамлению отца Гриши ненасытного собственника «Назара Ивановича Бурмистрова», от которого даже жена ушла и который в новом доме обрекается Шведовым на перепевание толстовского мотива «много ли человеку земли нужно».

Дело не только в том, что Шведов выбрал в качестве материала для своего романа отдельные болезненные явления в среде молодежи, а в том, что он совершенно не считается с жизненной правдой, извращая и искажая действительность.

Неумелое, неправдивое и к тому же претенциозное распределение светотени приводит автора к романтизации преступных элементов, которым, по существу, кроме непривлекательного, слащенького Боброва, никто не противопоставлен.

Читать эту книгу, несмотря на «занимательный», казалось бы, сюжет, очень трудно.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» должно с большим вниманием относиться к книгам под своей маркой. Вместо полезного, интересного чтения — оно преподнесло своему молодому читателю вульгарную антихудожественную книгу.

* Я. Шведов. Резкий свет. Изд. «Молодая гвардия». 1936. 224 стр.

Карикатура А. Радакова

В редакции толстого журнала

Плохо живут редакции журналов

Последнее время в печати, на читательских и писательских собраниях было сказано не мало резких слов по поводу толстых журналов.

— В наших журналах не чувствуется большой творческой работы коллектива, — в один голос говорят и писатели, и читатели, — редакции их до сих пор не стали об'единяющими центрами, местом, где поэт и прозаик могли бы получать творческую помощь. Вряд ли кто будет спорить с этими утверждениями, настолько они очевидны.

В значительной своей части недостатки толстых журналов коренятся в работе самих редакций, однако, не малую роль играют здесь и те бытовые и, мы сказали бы, правовые условия, в которых приходится жить и работать редакционным коллективам.

Живут редакции толстых журналов плохо, неустроенно.

Взять хотя бы редакцию «Литературного критика». Находится она в «Доме Герцена», который, как известно, стоит в центре Москвы — на Тверском бульваре, вблизи Пушкинской площади. Даже не москвичу нетрудно найти «Дом Герцена». Гораздо труднее человеку, ни разу не бывшему в нем, отыскать в его полутемных коридорах приютившиеся в двух комнатушках редакции «Литкритика» и «Литобозрения».

В помещении, занимаемом двумя журналами—«Литкритиком» и «Литобозрением», свободно могут дышать пять-шесть человек, работают же здесь двенадцать, не считая приходящих авторов.

В рабочее время комнаты полны табачного дыма и крика: яростно спорят авторы, оглушительно трещат два «Ундервуда», не переставая звонит единственный (это на две редакции-то!) телефон, за обладание которым между сотрудниками возникают жестокие словесные перепалки.

В подобных жилищных условиях находятся и журналы «Красная новь» и «Знамя» Более сносное помещение занимает редакция «Октября». Но все же ответственный секретарь журнала т. Щербина жалуется: «Негде работать. В редакцию я прихожу для того, чтобы, главным образом, говорить с авторами. Всю основную работу — чтение и редактирование рукописей— приходится делать дома».

Сметы малы. Они удовлетворяют лишь минимальные потребности журналов. Редакции не имеют возможности послать какого-либо писателя в командировку, организовать на местах нужный материал. Им приходится довольствоваться тем, что принесет сам писатель.

Редакции толстых журналов правильно упрекают в том, что они совершенно не уделяют внимания научным проблемам, не отражают достижений научной и технической мысли. Но и здесь вопрос упирается в смету, которая не предусматривает не только штатной единицы для заведывания отделом науки и техники, но даже оплаты консультанта. Кроме того, редакции ссылаются и на малую емкость журналов.

Большим тормозом в деятельности редакций являются типографии, до сих пор не научившиеся со всей серьезностью относиться к взятым на себя по отношению к журналам обязательствам. Работают типографии скверно, медленно. Систематически они задерживают выход журналов в свет на две-три недели, а порой на полтора-два месяца. Неимоверно растянутые темпы печатания журналов мешают редакциям сделать содержание номеров более актуальным. О событиях, происшедших в августе, редакция может поместить в восьмом номере ежемесячника лишь коротенькую заметку: большую статью или очерк типография не примет, а если и возьмет, то задержит выход журнала на несколько декад.

Справедливые упреки редакций вызывают и внешнее оформление журналов, поражающее своей серостью и безвкусицей, и скверная «газетная» бумага.

Вот больные — далеко не все, конечно, — вопросы жизни и деятельности редакций толстых журналов.

Советская общественность, требующая от редакций ежемесячников четкой, хорошей работы, должна помочь им устроить свой редакционный быт. Гослитиздат — хозяин большей части толстых журналов — обязан создать редакциям сносные, человеческие условия работы.

Между тем до сего времени отношение издательства к журналам было по крайней мере странным. Летом прошлого года оно предложило редакциям «Октября» и «Красной нови» переехать из их тесных комнат в еще более тесное и темное помещение в здании б. ГУМ. Никакие просьбы и доказательства не помогали. Дирекция издательства была глуха к ним. Лишь после вмешательства «вышестоящих организаций» редакции оставили в покое.

С журналом «Литературный критик» издательство поступило хитрее. До недавнего времени журнал занимал три комнаты: в двух работали литературные сотрудники, в третьей — машинистки. Однажды заведующий административно-хозяйственным отделом Гослитиздата т. Клейменов попросил у редакции ключи от этой третьей комнаты, якобы для того, чтобы замазать в ней окна. Замазали ли окна в комнате или нет — так редакция и не узнала: воспользовавшись отсутствием сотрудников, тов. Клейменов выбросил из комнаты находившийся в ней архив «Литературного критика» и... вселил в нее семью гослитиздатовского служащего. Часть архива при этом пропала.

Наступил 1937 год. Редакции толстых журналов связывают с ним много надежд. Говорят, что в этом году им предоставят просторные помещения, хорошую бумагу, создадут новые, во всех отношениях благоприятные условия для работы.

Мы оптимисты. Мы хотим верить, что наконец-то в трудовой жизни редакций ежемесячников наступят существенные изменения.

В. ТОНИН

Письмо в редакцию Б. Пастернака

В своем докладе о Чрезвычайном VIII Всесоюзном С'езде Советов тов. В. П. Ставский привел несколько моих строк из десятой книги «Нового мира», которые оценил как клевету на советский народ. Вот эти строки, в их взаимосвязи с предшествующими:

Народ, как дом, без кром,
И мы не замечаем,
Что этот свод шатром,
Как воздух, нескончаем.
Он — чащи глубина,
Где кем-то в детстве раннем
Давались имена
Событьям и созданьям.
Ты без него ничто.
Он, как свое изделье,
Кладет под долото
Твои мечты и цели.

Во второй строфе говорится о языке, в третьей, вызвавшей нареканья, о том, что индивидуальность без народа призрачна, что в любом ее проявлении авторство и заслуга движущей первопричины восходит к нему — народу. Народ — мастер (плотник или токарь), а ты, художник,—материал. Такова моя истинная мысль, и как бы ни сложилась дальнейшая ее судьба, я в ней не вижу ничего, с идеей народа несовместимого. Происшедшее недоразумение об'ясняю себе одной только слабостью и неудачностью этого места, равно как и вообще этих моих стихов.

Не откажите, пожалуйста, напечатать данное заявление.

С товарищеским приветом

БОРИС ПАСТЕРНАК.

От редакции

Печатая письмо Б. Пастернака, редакция «Литературной газеты» считает необходимым указать, что толкование, которое он дает своим стихам теперь, после того, как они были подвергнуты критике, противоречит смыслу и существу этих стихов, особенно если учесть предшествующие, не цитируемые Б. Пастернаком в его письме строки.

Предшествующие двенадцать строк таковы:

Счастлив, кто целиком
Без тени чужеродья
Всем детством с бедняком,
Всей кровию в народе.

Я в ряд их не попал,
Но и не ради форса
С шерентой прихлебал
В родню чужую втерся.

Отчизна с малых лет
Влекла к такому гимну,
Что небу дела нет —
Была ль любовь взаимна.

В этих строках Б. Пастернак говорит о себе как о человеке, который не был «всей кровию в народе».

В этой связи последующие строки о том, что народ

«...как свое изделье,
Кладет под долото
Твои мечты и цели»

приобретают другой смысл. Художник предстает здесь не как творческая индивидуальность, связь которой с народом носит активный, живой, творческий характер, художник оказывается не активным участником народной массы, а изображен как лицо пассивное, страдательное, как мертвый и безличный материал, лежащий под «долотом» народа. Такое изображение отношений между личностью и обществом в СССР, между художником и народом, между индивидуальностью и коллективом неправильно.

Не торопятся

Издательство «Academia» наметило выпустить к двадцатилетию Великой пролетарской революции десять книг. В план включены: сборник песен народов СССР о Ленине, сборник устных произведений народов Советской страны о Сталине, антология армянской поэзии с древнейших времен до наших дней, книги «Народная поэзия Грузии», «Казахский эпос» и «Мордовский эпос». В роскошном оформлении решено издать — одновременно на русском и французском языках — текст и ноты пролетарского гимна «Интернационал». Издание будет иллюстрировано портретом автора гимна Э. Потье и фотоснимками, изображающими сцены первого исполнения «Интернационала» во Франции. Значительный интерес представляют и остальные юбилейные издания: альбомы «Советская иллюстрация за 20 лет», «Искусство национальностей в ремеслах» и «Парижская Коммуна в иллюстрациях художников-современников».

К работе над всеми изданиями привлекаются лучшие художники страны.

Но мало составить интересный план. Главное — нужно его реализовать. А эту истину в издательстве, судя по некоторым признакам, забыли. Над юбилейными изданиями работают не спеша, как будто впереди — годы, а не считанные месяцы. До сих пор издательство не составило твердого графика различных производственных процессов; до сих пор значительная часть рукописей («Песни о Ленине», «Песни о Сталине», «Народная поэзия Грузии» и др.) не поступили в редакцию и когда поступят — точно никто не знает.

До настоящего времени не выяснено содержание некоторых изданий. Для подбора материала сборника «Мордовский эпос» писатель Дорогойченко выехал в Мордовию только на-днях. Лишенные конкретного содержания ответы дают редакционные работники о материале альбомов «Искусство национальностей в ремеслах» и «Парижская Коммуна в иллюстрациях художников-современников». И это понятно: что скажешь о книге, когда даже план ее не составлен.

Издательство жалуется на неаккуратность авторов и редакторов. Жалобы эти справедливы. Так, например, редактор сборника «Казахский эпос» Тогжанов должен был еще 1 декабря представить комментарии к былинам, а 15 декабря — вступительную статью к ним. Срок истек, однако ни комментариев, ни вступительной статьи в издательстве нет.

До сих пор не прислал Тогжанов обещанный еще в октябре казахский оригинал былины «Досохан». Не выполнил обещаний и поэт Д. Бродский, обязавшийся к 1 декабря сделать перевод казахской поэмы «Бекет-батыр». Задерживает материал редактор Ю. М. Соколов. «Не торопится» и редактор книги «Народная поэзия Грузии» Тициан Табидзе.

Однако все это никак не оправдывает издательских работников и только лишний раз свидетельствует о неумении или нежелании их по-настоящему организовать работу.

Издательство «Academia» обязано в ближайшее же время в корне перестроить свою работу над юбилейными изданиями.

Книги, намеченные издательством к 20-летию Октября, должны поступить к читателю точно в срок.

От комиссии по литературному наследству Н. А. Островского

Комиссия по литературному наследству писателя - орденоносца Н. А. Островского извещает все советские издательства, а также организации и лиц, занятых переводом на иностранные языки, что окончательный и утвержденный Н. А. Островским для печати текст романа «Рожденные бурей» находится в комиссии. Комиссия просит всех, кто будет издавать роман «Рожденные бурей», согласовывать с ней текст романа.

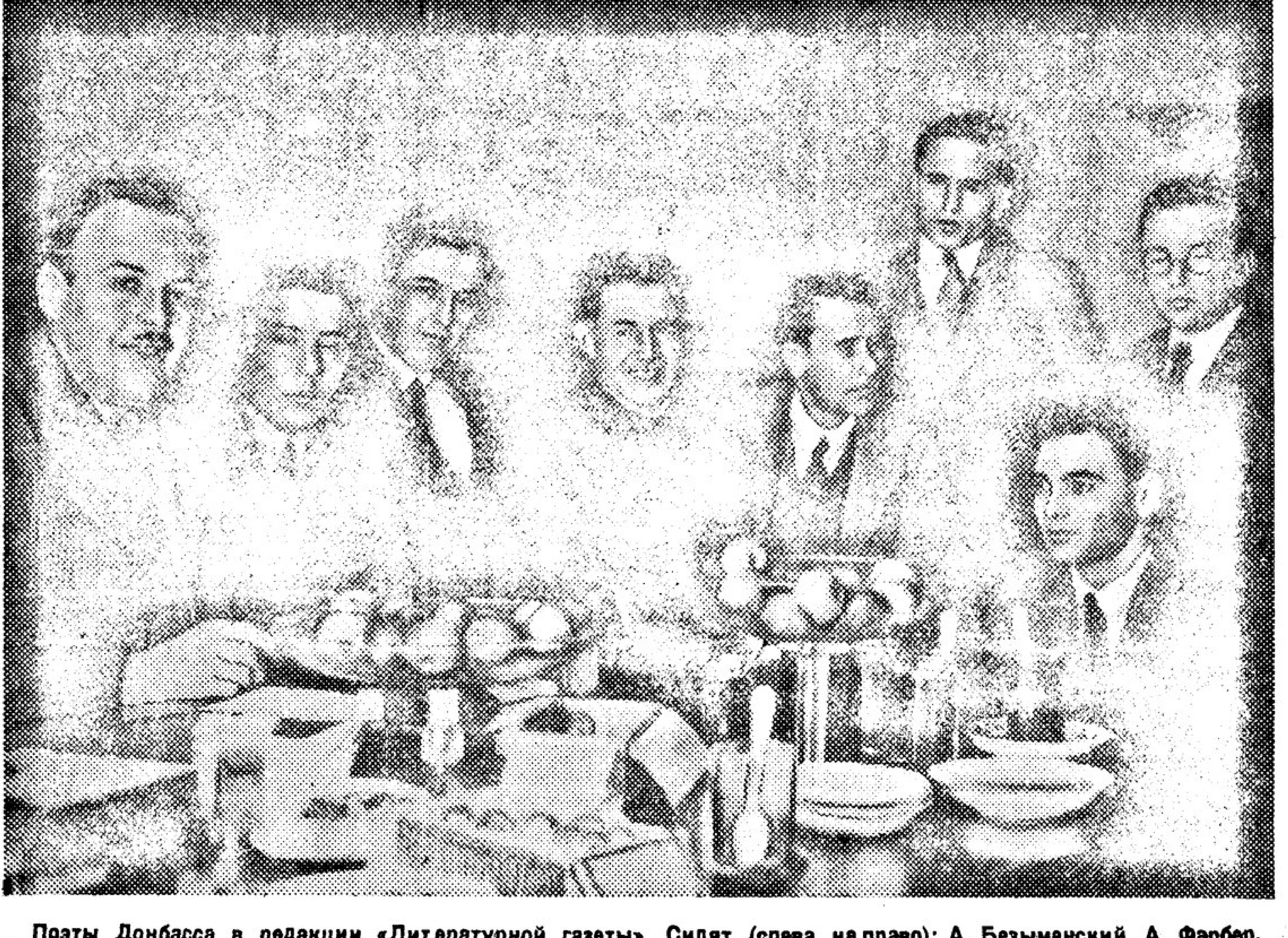
Заключением договоров с издательствами и оформлением всех расчетов с ними будет ведать уполномоченный на то семьей Островских Иннокентий Павлович Феденев. Адрес его: Москва, М. Бронная, д. 21, кв. 14, тел. 1-05-00, доб. 1-36.

КОМИССИЯ.

От международной ассоциации писателей в защиту культуры

От имени Международной ассоциации писателей в защиту культуры выражаем глубокую скорбь по поводу потери советской литературой Николая Островского, борца за перестройку мира, героя новой культуры и примера будущим поколениям.

ЖАН РИШАР БЛОК, АНДРЭ ШАМСОН, АРАГОН, ТРИСТАН ТЗАРА, ТРИСТАН РЕМИ, РЕНЕ БЛЕШ.

Поэты Донбасса в редакции «Литературной газеты». Сидят (слева направо): А. Безыменский, А. Фарбер, Ф. Байдаченко, А. Сурков, П. Беспощадный, Н. Упеник; стоят: П. Чебалин и В. Гусев.

Всесоюзная перепись и писатели

Советская страна проводит завтра дело громадного политического и хозяйственного значения — всесоюзную перепись населения. Перепись эта должна дать исключительно важный и интересный материал для характеристики изменений в социальном составе населения Советского Союза. «Сухие» статистические таблицы, полученные в результате переписи, будут долго служить материалом для больших и глубоких исследований о росте материального и культурно-политического уровня широких трудящихся масс.

★

В связи с переписью небезынтересно совершить небольшую историческую экскурсию в прошлое.

Крупнейшие русские писатели — Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и другие активно участвовали в дореволюционных переписях.

Московская городская дума проводила в 1882 году городскую перепись населения. Воспользовавшись этой переписью населения, Л. Н. Толстой выступил в печати со специальной статьей, и принял **непосредственное** участие в переписи московского населения в качестве счетчика.

В частности, он обошел огромный дом купца Ржанова, густо населенный беднотой, нищими, ворами, проститутками. Дом был известен под названием «Ржановская крепость». Свои наблюдения Л. Н. рассказал в статье «Так что же нам делать?», потрясающей по силе изображения нищеты и страданий.

«...На Проточный переулок выходят двое ворот и несколько дверей: трактира, кабака и нескольких с'естных и других лавочек. Это — самая Ржановская крепость. Все здесь серо, грязно, вонюче — и строения, и помещения, и дворы, и люди»... с волнением писал Толстой.

★

А. П. Чехов принимал участие в первой — и единственной до революции — всероссийской переписи населения 1897 года, впечатления о которой переданы в его письмах.

Не лишне вспомнить некоторые цифры, полученные в результате этой переписи. Из 1460 тысяч дворянских и чиновных «хозяев» тогдашней России неграмотных было 223 тысячи. Почти четверть миллиона Митрофанушек!

В тогдашней России насчитывалось **295** тысяч церковников всех видов и культов. Учителей учебных заведений было только **79** тысяч.

★

К сожалению, советские писатели, не в пример Л. Н. Толстому и А. П. Чехову, проявили весьма малую заинтересованность всесоюзной переписью.

Правда, в Доме советского писателя на партсобрании писателей 30 декабря был заслушан доклад руководителя переписи в Москве профессора В. Н. Старовского. Доклад вызвал большой, но, увы, «платонический» интерес.

— Участвует ли кто-нибудь из советских писателей-москвичей в переписи?

В. Н. Старовский категорически утверждает, что среди счетчиков нет ни одного писателя.

В качестве «сопровождающего» в переписи принимает участие писатель В. Лидин, который участвовал в первой советской переписи, в 1926 году.

Излишне доказывать, какой интерес представляет для каждого советского писателя участие в таком важном и ответственном мероприятии, как всесоюзная перепись населения.

★

Хитров рынок, Ржановская крепость и сотни других, в прошлом «гиблых» московских мест сметены социалистической революцией. Сейчас Москва реконструируется. Социалистический облик столицы революционного мира, новые люди — прекрасная, благодарная тема для художника пера.

О. ДИМИН.

Выставка, посвященная героической борьбе испанского народа

В Музее Революции СССР открыта выставка, посвященная героической борьбе испанского народа.

Среди экспонатов, собранных в первом зале, останавливают на себе внимание: картина Соколова-Скаля «Кармен из Астурии», копия рисунка Г. Гомеса — «Расстрел шестнадцатилетней пулеметчицы, комсомолки Аиды Лафуэнте», макет художников Г. Л. Мкртичяна и С. С. Потехиной, изображающий рабочих Овиедо, сражающихся с марокканскими войсками. Здесь же собраны значки испанской народной милиции и номера стенной газеты района Чамбери в Мадриде.

Большой интерес представляет портрет товарища Сталина, подаренный испанскими работницами трудящимся Советского Союза. Здесь же знамя испанской делегации, с которым она проходила по Красной площади в Москве.

Около семидесяти оригинальных испанских плакатов, картины, рисунки, фотографии, стенные газеты и диаграммы развертывают перед посетителями выставки картину героической борьбы испанского народа. Значительное место занимает на выставке материал, который свидетельствует о горячей симпатии трудящихся всего мира к борющемуся с фашизмом испанскому народу.

На выставке даны портреты руководителей интернациональной бригады: генерала Клебера, писателя Людвига Ренн, члена ЦК германской компартии Ганса Баймлера, убитого в боях под Мадридом. Тут же показано приветствие революционному народу Испании от германских моряков, найденное в бутылке, плавающей в океане, недалеко от острова Малаги. В этом приветствии приведены слова из стихотворения Генриха Гейне «Ткачи», где посылается тройное проклятие старой Германии, для которой немецкие рабочие давно уже шьют саван...

Показанные на выставке осколки сброшенных над Испанией фашистами бомб, снимки с разбитых аэропланов мятежников ярче всяких слов говорят о той роли, которую играют фашистские правительства Германии, Италии и Португалии.

СТИФ.

ХУДОЖНИКАМ СССР

ПИСЬМО ИСПАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Московские художники получили письмо от революционных художников Барселоны и отправили на него коллективный ответ. Одновременно с этим коллективным ответом они решили послать в Барселону ряд книг, журналов и фотоснимков, знакомящих испанских художников с советским изоискусством. Ниже мы приводим отрывок из письма революционных художников Испании:

Плакаты, которыми пестрят улицы городов и деревень в Испании и Каталонии, рисунки, ежедневно появляющиеся в печати, выставки антифашистского искусства и лозунгов на железнодорожных вагонах, доводящие до наших аванпостов революционный клич художников, — вот та работа, которую мы провели до настоящего времени. Эта деятельность поддерживает постоянно в нашем народе ненависть к фашизму, ненависть к старой традиционной Испании, державшей в рабстве трудящихся, относящейся с враждебностью к культуре,—ненависть к той Испании, которая питала веками фанатизм попов и монахов, грабеж банков, узаконенный властью, и фаворитизм генералов-монархистов.

Товарищи художники СССР, сейчас, когда мы наблюдаем чудесное проявление классового порыва среди художников Испании, нам нужен ваш опыт, ваша инициатива, ваше революционное руководство. Использовав ваш опыт и ваши уроки, мы поможем привести наши массы к окончательной победе.

Мы нуждаемся в непрерывной связи с вами, и тогда все испанское искусство безоговорочно станет на службу революции. Наши взоры устремлены к вам: идеал всякого по-новому мыслящего художника—ваш славный СССР, его революционный путь, новый смысл, вкладываемый вами в искусство, науку, во всю ту мощную культуру, которая создается в вашей стране.

Товарищи, мы с нетерпением будем ждать от вас указаний, чтобы создать и у нас искусство для народа.

Вперед за окончательную победу пролетариев всего мира, за искусство, служащее им!

Да здравствует СССР!

Да здравствует испанская революция!

От Об'единения художников Испании **Х. АЛЬОСА.**

г. Барселона.

Поэты Донбасса в Москве

Для ознакомления с культурной жизнью, новостройками и историческими памятниками столицы Советского Союза в Москву приехала группа поэтов и прозаиков Донбасса: Г. Беспощадный, Ю. Черкасский, П. Северов, А. Фарбер, Ю. Черный, П. Чебалин, греческий поэт Г. Костоправ и редактор журнала «Литературный Донбасс» Ф. Байдаченко.

2 января донбасские писатели встретились в редакции «Литературной газеты» с московскими поэтами.

Ф. Байдаченко и Ю. Черкасский рассказали о творчестве поэтов Донбасса и о работе писателей с начинающими литераторами. Поэты П. Беспощадный, Ю. Черкасский и А. Фарбер прочли свои новые стихи. С интересным сообщением выступил Г. Костоправ, рассказавший о молодой литературе греков, живущих в СССР.

А. Фарбер упрекал московских поэтов и критиков в том, что они слабо помогают краевым авторам.

Правильность этих замечаний была полностью признана тт. А. Сурковым, В. Гусевым и А. Безыменским. Поэты заверили, что в дальнейшем московские литераторы будут больше уделять внимания писателям, работающим на периферии.

В заключение А. Сурков прочел свои переводы югославских рабочих поэтов Клопчича и Селишкера.

★

Писатели Донбасса встретились 3 января в Доме советского писателя со строителями второй очереди метро. На вечере присутствовали также знатные донбассовцы-орденоносцы тт. Изотов, Артюхов и Мурашкин и московские поэты и прозаики.

Писатель И. Жига и редактор «Литературного Донбасса» Ф. Байдаченко рассказали о писателях Донбасса, старшее поколение которых прошло школу гражданской войны, а молодые пришли в литературу из шахт, от мартенов и домен.

После выступлений тт. Жига и Байдаченко донбасские писатели тт. Северов, Беспощадный, Костоправ, Фарбер, Черкасский и Упеник прочли отрывки из своих произведений. Читали свои стихи и московские поэты тт. Антокольский, Голодный, Френкель и Долматовский.

Выступивший с речью знатный шахтер Советского Союза орденоносец т. Никита Изотов говорил о родном Донбассе, о том, как много больших тем, связанных с людьми всесоюзной кочегарки, еще не затронуто нашей литературой.

Никита Изотов обратился к писателям с призывом восполнить этот пробел возможно скорее.

Вечер закончился концертом.

За 5 дней

Писательница В. Герасимова, назначенная ответственным редактором журнала «Смена», начала свою работу с созыва читательской конференции, состоявшейся на-днях.

Конференция прошла в дружеской деловой атмосфере. Редакция «Смены» получила от читателей много чрезвычайно ценных указаний и советов.

★

Собрание читателей, созванное журналом «Красная новь», было неудачным.

Редакция и читатели оказались взаимно невнимательными: обещанный в повестке доклад А. Фадеева не состоялся ввиду отсутствия докладчика, а читатели пришли на конференцию совершенно неподготовленными.

★

В клубе Авиозавода № 1 состоялась встреча рабочих завода с автором книги «Пушкин в Михайловском» — И. Новиковым. Встреча прошла очень оживленно. Рабочие Авиозавода высказали по поводу книги ряд серьезных замечаний, обнаруживших их высокие требования к литературе.

— Автор повести, — говорит т. Поляков, — сумел раскрыть в образе Пушкина черты наиболее нам дорогие и близкие — черты бунтаря, черты человека, поднявшего голос против гнета самодержавия.

Однако многое в книге И. А. Новикова читателя не удовлетворяет.

Так, т. Туровская находит, что автор слабо показал природу Михайловского и Тригорского.

К недостаткам оформления книги читатели относят отсутствие иллюстраций в книге.

И. А. Новиков и редактор книги т. Чечановский рассказали читателям о работе над «Пушкиным в Михайловском».

Писатель обещал в дальнейших изданиях повести учесть замечания выступавших.

Автору «Нафты» Л. Савину в иске отказано

28 декабря в гражданской коллегии Мосгорсуда было заслушано «дело по иску автора Савина Савелия Моисеевича к издательству «Советский писатель» о взыскании 7.000 рублей авторского гонорара».

Эти 7000 рублей «авторского гонорара» Савин решил получить с «Советского писателя» на том основании, что издательство, которое намерено было выпустить второе издание «Нафты» и обязалось уплатить автору 12.000 рублей, впоследствии от переиздания «Нафты» отказалось и возвратило автору книгу — «за непригодностью».

Впрочем, раньше, чем издательство расторгло договор с Савиным, оно успело выдать ему авансом 5000 рублей. Автору это показалось недостаточным. Он вчинил иск издательству и дело выиграл: Нарсуд Советского района г. Москвы 22 сентября 1936 года постановил взыскать с издательства в пользу Савина 7000 рублей.

Издательство обжаловало это решение в кассационной коллегии Мосгорсуда, которая приговор Нарсуда отменила и назначила дело на новое рассмотрение в Мосгорсуде.

Гражданская коллегия Мосгорсуда установила, что автор «Нафты» не выполнил основного своего обязательства перед издательством: не переработал книгу для второго издания. Соглашаясь с отрицательными отзывами о книге «Нафты», появившимися в печати, а также с отзывом Союза советских писателей, куда книга была передана на экспертизу, **Мосгорсуд в иске Л. Савину отказал**, предоставив ему право обжаловать это решение в Верховном суде РСФСР.

Поправка

В № 72 (630) «Литгазеты» в заметке «Писательская недобросовестность», 6-й абзац, следует читать: «...более мелкие суммы выданы исключенному сейчас из союза С. Глем, В. Воеводину и др.».

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

А. ДЕРМАН

Не переделывайте, товарищи, хоту в хату

В городе Полтаве существовала в стародавнее время газета «Полтавский вестник». Редактором ее был чиновник губернского правления Иваненко, а ближайшими сотрудниками — ближайшие члены семьи редактора. Брат редактора писал одновременно по вопросам военным, церковным и музыкальным.

Писал он колоритно, так что одна его музыкальная рецензия запомнилась мне навсегда. Среди других номеров исполнена была «Аррагонская хота» Глинки. Увидя в программе этот иероглиф, мудрый рецензент решил, что тут допущены опечатки: во-первых, должно быть не «хота», а «хата»; во-вторых, добавочное «р» в «Аррагонской» — ненужная роскошь; в-третьих, слово это по-украински должно иметь начертание «Араганьска»; наконец, как прилагательное, оно по законам украинской граматики должно быть поставлено после существительного.

Получив после всех этих операций: «Хата араганьска», он уже не затруднился охарактеризовать и самое музыкальное произведение: он услышал в нем дивные, подлинно народные украинские мотивы, в его воображении ярко обрисовалась и самая хата, и «вишневый садочек» близ хаты, и «парубки», и «дівчата», и «гопак». И целый день по выходе номера «Полтавского вестника» в скучной, сонной Полтаве было превесело, а газету разбирали нарасхват.

Эпизод этот живо воскрес передо мной, когда три газеты: моршанский «Большевик», воронежская «Коммуна» и «Вечерняя Москва» почти одновременно и почти в одних и тех же выражениях сообщили об интересной литературной находке — новом, неизвестном очерке А. П. Чехова «История одной статьи». Моршанский «Большевик» напечатал целиком и самый очерк, две другие газеты дали из него пространные извлечения.

«Антон Павлович, — читаем мы в «Вечерней Москве», — с присущим ему юмором высмеивает «тип писаки на все руки», пишущего «по пятачку за строчку». Здесь же Антон Павлович рассказывает и о другом «роде пишущих», у которых «в каждом слове — душа, в каждой букве — частица их крови». Антон Павлович рассказывает, что ему довелось раз видеть, как один автор писал юмористический рассказ. Это был фельетон, которым нужно было рассмешить читателей. В передней стоял посыльный из редакции, нетерпеливо ожидая рукопись. Автор сидел и строчил... но глаза через каждую минуту отрывались от бумаги и перебегали на маленькую детскую кроватку, в которой умирал ребенок... Жена просит автора фельетона сбегать в аптеку за лекарством, так как «хрип в груди усилился»... Но ему надо дописать пятьдесят строк. И в тот момент, когда юмористический фельетон, который публика «читала и смеялась», был закончен, ребенок умер».

Антитеза очень резкая. Она была бы еще резче и драматичнее, если бы «Вечерняя Москва» не опустила в изложении окончания очерка:

«Публика читала и смеялась, а А. Чехонте читал, и думал, и решал, насколько это годится в «Осколки». Кстати сказать: не нужно много думать, чтобы понять, что речь идет о моей маленькой покойнице Мось, и что это — страничка из моей жизни, но вместо редакционного посыльного — таможенный досмотрщик».

Позвольте! Как это «не нужно много думать»? Напротив, очень много нужно думать, да и то ничего не поймешь! При чем тут таможенный досмотрщик? Какая покойница Мось? О них не было раньше сказано ни единого слова. И каким образом А. Чехонте обдумывает судьбу чьего-то очерка, о ком говорится в третьем лице, когда сам он и есть его автор? Есть в очерке и другие места, вызывающие не меньшее недоумение. Чехов был врач, а между тем в рассказе мы читаем, что ребенок еще вчера бегал, кричал «папа» и «мама», а сегодня умер от водянки мозга. В одни сутки.

Впрочем, одна небольшая поправка в изложении этой «истории» разрешает все недоумения легко и быстро. Автор очерка действительно А. П. Чехов, но только не Антон Павлович, а старший брат его, Александр Павлович. У него действительно была дочь. И звали ее Мося. И умерла она от водянки мозга, проболев десять дней. Случилось это 1 февраля 1884 года. А таможенный досмотрщик? Был и таможенный досмотрщик. Александр Павлович служил в то время таможенным чиновником в Таганроге, сильно нуждался, много пил и, будучи графоманом, много строчил для газет и журналов, отсылая брату в Москву. Упоминаемый досмотрщик отправлял его корреспонденцию. Вкуса и чувства меры у Александра Павловича не было, поэтому самые драматические ситуации под его пером приобретали аляповато-мелодраматический характер, образцом которого может служить и пресловутая «История одной статьи», в которой «Вечерняя Москва» обнаружила присущий Антону Павловичу юмор, а воронежская «Коммуна» сверх того и «глубину».

Вполне, однако, возможно и даже всего вероятнее, что «Историю» Александр Павлович и не предназначал для печати, иначе чего ради заговорил бы он о своей дочери. Повидимому, летом 1884 года, находясь у брата Антона в Воскресенске, он написал «Историю» с той целью, чтобы изобразить для брата же недавно пережитое душевное состояние. Если бы «История» предназначалась для печати, появление в конце ее таможенного досмотрщика было бы непременно об'яснено.

Знание биографических подробностей об Александре Чехове ни для кого, разумеется, не обязательно. Но для каждого газетного работника было необходимо, обратив внимание на конец очерка, отвергнуть принадлежность его перу Антона Павловича по простому здравому смыслу. Правда, в двух газетах конец этот опущен, но, как ни переделывай хоту, хаты из нее не получишь.

Уполном. Главлита В—26101.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.